

Произвол, то есть Беззаконие, Беспредел или РЕАЛЬНОЕ Сумасшествие «власти».

1.3 Для того, чтоб понять правовое содержание Беззакония, которое в **любой** стране устраивают Мракобесы в Мантиях, необходимо разобраться с самим понятием Правосудия, которое, по мнению Маразматиков из КС РФ, признается таковым, когда оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Однако это должен быть завершающий этап, которого в мафиозной России достичь практически невозможно, поскольку в России нет судей, а есть Лакеи, обслуживающие кремлевских Мафиози с **их** Ворами, Бандитами и Убийцами, неотъемлемой частью которых стали и Лакеи.

Итак, Правосудие действительно признается таковым, когда оно отвечает требованиям справедливости, как то прямо предусмотрено п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, однако **на основе** состязательности и равноправия сторон (п. 7.7 Соображений от 24.07.14 г. по делу «Олег Волчек против Республики Беларусь», § 40 Постановления от 07.06.07 г. по делу «Ларин и Ларина против России», ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и когда оно обеспечивает эффективное восстановление в правах, что прямо предусмотрено ст. 8 Всеобщей декларации, ст.ст. 2, 18, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, абзацем 3 ст. 12 ГК РФ.

1.3.1 Но **самым важным** является то, что Правосудие **разрешено** отправлять **только** компетентному, независимому и беспристрастному суду, **созданному на основании закона**, то есть **не подлежащего отводу** (п. 7.2 Соображений КПЧ от 21.10.92 г. по делу «Арво О. Карттунен против Финляндии»). Если суд или судья подлежат отводу, то вообще нет необходимости рассматривать вопросы справедливого и публичного разбирательства дела, что неоднократно разъяснено Полуобразованными Подонками из ЕСПЧ, а также поддерживается и российскими Взяточниками в мантиях. Например, в Постановлении от 20.11.12 г. по делу «Гарабин против Словакии» ЕСПЧ фактически рассмотрел **только** вопрос об отводе, который, по его мнению, **делает ненужным рассмотрение иных нарушений справедливого разбирательства дела**: «Беспристрастность означает отсутствие предубеждений или предвзятости... **любой судья, в отношении которого есть законная причина опасаться отсутствия беспристрастности, должен быть отозван** (§ 131 **Постановления от 20.11.12 г. по делу «Гарабин против Словакии»**). Необходимо также учитывать вопросы **внутренней организации**. Важным фактором является наличие национальных процедур обеспечения беспристрастности, а именно правил, **регулирующих отвод судей**. Такие **правила** отражают озабоченность национального законодательного органа устранением **всех разумных сомнений** относительно беспристрастности судьи или соответствующего суда и представляют собой попытку обеспечить беспристрастность путем устранения причин таких проблем. В дополнение к отсутствию **фактической** предвзятости, они направлены на устранение **любого** проявления пристрастности и, таким образом, способствуют укреплению доверия, которое суды **должны** внушать общественности (§ 132 там же). **Миссия судебной власти в демократическом государстве состоит в том, чтобы гарантировать само существование верховенства закона...** (§ 133 там же)... Суд считает, что Конституционный суд, **балансируя между этими двумя позициями**, а именно необходимость отвечать на просьбу об исключении своих судей и необходимость сохранять свою способность определять дело, не заняв **надлежащей** позиции **с точки зрения гарантий** статьи 6 Конвенции, поскольку **он не ответил на аргументы, в отношении которых было предложено исключение своих судей** (§ 136 там же)... **Следует привести убедительные аргументы, чтобы четко указать, почему проблемы в их отношении не могут быть приняты в рассматриваемом случае** (§ 137 там же)... **Только после ответа на аргументы сторон и установления, оправданы ли отводы судьям, может возникнуть вопрос о том, есть ли необходимость и оправдание для того, чтобы не исключать ни одного из судей** (§ 139 там же)... Причины, на которые ссылался Конституционный суд, а именно необходимость сохранения его способности определять дело, не могут поэтому оправдать участие двух судей, которые были исключены из-за отсутствия беспристрастности в более ранних случаях, связанных с заявителем, и в

отношении предполагаемого отсутствия беспристрастности Конституционный суд не смог убедительно рассеять сомнения, которые могут быть объективно оправданы (§ 140 там же)... По причинам, изложенным выше, Суд приходит к выводу о том, что в дисциплинарном разбирательстве, которое обжаловалось в настоящем деле, право заявителя на слушание беспристрастным судом не соблюдалось. Таким образом, **имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в этом отношении** (§ 142 там же). Принимая во внимание его заключение о том, что имело место нарушение права заявителя на слушание беспристрастным судом по указанным выше причинам и с учетом того, что он имеет ограниченные полномочия для устранения ошибок факта или закона, предположительно совершенных национальными судами, **Суд не считает необходимым отдельно рассматривать другие жалобы заявителя, которые связаны с предполагаемой несправедливостью дисциплинарного производства против него** (§ 143 там же)... В случае нарушения статьи 6 Конвенции заявитель **должен** по возможности быть поставлен в такое положение, в котором он находился бы, если бы требования этого положения не были проигнорированы. Наиболее подходящей формой возмещения в таких случаях, как нынешний, было бы возобновление разбирательства, если это запрошено, судом, соблюдающим требование беспристрастности по смыслу статьи 6. Суд отметил в этом отношении, что Конституция или Закон 1993 года о Конституционном суде прямо не предусматриваются возможность возобновления разбирательства в Конституционном суде. Тем не менее, Закон 1993 года о Конституционном суде позволяет Конституционному суду применять в соответствующих случаях Гражданский процессуальный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс, которые предусматривают возможность возобновления разбирательства, когда Суд приходит к выводу, что решение суда или судебное разбирательство до этого нарушило основные права и свободы стороны (...)» (§ 178 там же).

Таким образом, когда есть основания для отвода судьи или суда, то есть Лакея мафиозного Режима, а таких оснований Мракобесы в мантиях предоставляют более чем достаточно, то нет особой необходимости разбирать дело в целом. Однако разбор дела все-таки необходим как **неопровержимое** доказательство разбирательства дела именно Мракобесами, которые подлежали безусловному отводу. Российские Мракобесы в мантиях тем и отличаются от остальных, что эти Животные в результате полной безнаказанности и вседозволенности вообще утратили способность понимать значение совершаемых ими действий и поэтому параноидная Шизофрения стала **нормой** отправления Кривосудия **в результате чего вся правовая система стала реальным Дурдомом**. Обязательным условием получения в России мантии является наличие паралогического мышления, позволяющего делать не только параноидальные, но и параноидные выводы. И поскольку суда в России нет и **быть не может** при **таком** положении, поэтому уничтожается вообще всё вокруг, так как **там, где невозможно установить фактические обстоятельства, там не может быть и развития**. Там может быть **только** деградация.

Что касается российских Уголовников, то и они считают, что «**Поскольку принятые по делу судебные акты подлежат отмене по безусловным основаниям, доводы кассационной жалобы о неправильном применении норм материального права, а также о несоответствии выводов фактическим обстоятельствам дела судом кассационной инстанции не проверяются**» (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.07.17 г. по делу № А56-2178/2016).

1.3.1.1 Также **безусловным** основанием для отвода являются обстоятельства, когда Мракобесам необходимо оценивать вопросы факта или права, которые уже были предметом их оценки: «... Иными словами, Суд признал трудность установления нарушения статьи 6 из-за субъективной пристрастности и по этой причине в подавляющем большинстве случаев поднимал вопросы беспристрастности, сфокусированные на объективном тесте. Однако между этими двумя понятиями не существует водонепроницаемого разделения, поскольку **поведение судьи** может не только выдвигать **объективно обоснованные** опасения относительно

беспристрастности с точки зрения внешнего наблюдателя (объективный тест), но также может затрагивать вопрос о его или ее личном убеждении (субъективный тест) (...)» (§ 33 **Постановления от 28.03.17 г. по делу «Стуруа (Sturua) против Грузии»**)... Впоследствии эти же четыре судьи вошли в пленарную сессию Дисциплинарного совета, состоящую из восьми членов, которая рассмотрела вопрос в апелляции по фактам и вопросам права, поднятым заявителем в соответствии с разделом 60 (1) в связи с их решением от 23 декабря 2004 года. Другими словами, **в апелляции тем же четверем судьям было предложено полностью пересмотреть свое собственное решение в одном и том же деле, чтобы проверить, не совершили ли они сами ошибки в их оценке фактов или юридического толкования** (...). Суд также отмечает, что на пленарном заседании Дисциплинарного совета с участием восьми членов в свое время принимались апелляционные решения простым большинством голосов, причем его президент обладал решающим правом голоса в случае равенства голосов (...). Это означало, что половина состава, включая ее президента, ранее участвовала в рассмотрении дела в первой инстанции (...). Кроме того, учитывая, что рассмотрение Верховным судом дисциплинарного разбирательства явно ограничивается оценкой вопросов права (...), Суд имеет некоторые опасения относительно способности кассационной инстанции эффективно заниматься этим вопросом (...). В глазах Суда эти обстоятельства достаточны, чтобы позволить ему считать, что опасения заявителя относительно беспристрастности Дисциплинарного совета были объективно оправданы (§ 35 там же). **Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции»** (§ 36 там же).

1.3.1.2 То есть, если в п. 1.3.1 речь идет о применении норм, предусмотренных ст. 61 УПК РФ, ст. 16 ГПК РФ, ст. 31 КАС РФ и т.п., то в п. 1.3.1.1 речь идет о применении ст. 63 УПК РФ, ст. 17 ГПК РФ, ст. 32 КАС РФ и т.п., но опять-таки в интерпретации, выраженной, например, в Определении КС РФ № 800-О-О от 01.11.07 г., Постановлении Президиум Верховного Суда РФ от 30.03.16 г. по делу № 5-П16. Более полно вопрос об отводах мной рассмотрен в п.п. 1.5 – 1.5.10 заявления № 3029-3 (п. **1.7.10.1** ниже). Также этот вопрос я дополнительно рассмотрю в последующем заявлении с учетом новых знаний и практики. Однако напоминаю, что **судебная независимость – это право граждан** (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции), поскольку **«является прерогативой или привилегией действовать не в своих собственных интересах, а в интересах торжества закона и лиц, обращающихся к правосудию»** (п. 4 Заключения № 11).

1.3.1.3 Однако самым важным в данном случае является то, что обязательства государства в соответствии с Конвенцией «не будут соблюдены, если защита, предусмотренная внутригосударственным правом, существует только в теории. Она **должна** также **эффективно действовать на практике** в пределах срока, в течении которого суды могут закончить **рассмотрение каждого дела по существу** (...)» (§ 105 **Постановления от 27.06.06 г. по делу «Бырзыковски против Польши»**).

Когда выжившие из Ума Маразматики из конституционного якобы суда выносят свои решения, то эти Безмозглые Животные, как привило пишут о том, что они не дают оценку фактическим обстоятельствам дела, которым должны давать оценку суды общей юрисдикции, а обжалуемые нормы звучат так-то и так-то и означают они то-то и то-то и поэтому, по мнению выживших из Ума Шизофреников, эти нормы не могут нарушать конституционные права заявителей, то есть Жертв. Но, во-первых, умственно Полноценным людям понятно, что решения не могут основываться на предположениях (ч. 4 ст. 14, ч. 4 ст. 302 УПК РФ), а Шизофреники высказыванию именно предположения о том, что права Жертв не были нарушены, поскольку они оценку делу не дают. А, во-вторых, когда Полуобразованные Подонки из ЕСПЧ рассматривают дела, то они устанавливают нарушения конвенционных прав **только** при исследовании дела, без чего установить нарушения **невозможно**, поскольку **только** при **анализе** дела можно установить нарушение **процедуры** принятия решения и неисполнения **правильного** применения **соответствующих** норм (п. 2 ППВС РФ № 23 от 19.12.03 г. «О судебном решении», п.п. п.п. 1.3 – 1.3.4 апелляционной жалобы № 3029-3 - <https://goo.gl/FDiXo1>).

При этом правоприменитель **не вправе** рассматривать факты изолированно, а **обязан** применять **«объективный стандарт»**, который **требует** рассмотрения «дела в целом», поскольку только при таком рассмотрении можно установить существование

настоятельной общественной необходимости для вмешательства в частные права, что допустимо в демократическом обществе (§ 118 **Постановления от 30.06.15 г. по делу «Хорошенко против РФ»**). Также **любое** ограничение конвенционных прав «**должно** быть **оправданным** в **каждом конкретном** деле» (...) (§ 117 там же). «... государство **не имеет полной свободы действий** для установления ограничений **в общей манере** без обеспечения какой бы то ни было степени **гибкости, позволяющей определить**, являются ли ограничения по **конкретным** делам **подходящими** или **действительно необходимыми** (...)» (§ 126 дело Хорошенко).

Но поскольку, как правило, в правоотношениях сталкиваются различные интересы, поэтому, при установлении **природы** этих правоотношений, **а значит, и подлежащих применению норм права** (п. 2 ст. 148, ч. 1 ст. 196 ГПК РФ), предметом оценки **должен** быть определен **баланс** этих интересов, что и отмечают в последнее время Полуобразованные Подонки: «... более **широкое** понятие **соразмерности**, заложенное в выражении "необходимо в демократическом обществе", **требует** существования **разумной** связи между принимаемыми властями **мерами** и **целью**, которую они **пытались этими мерами достичь**, другими словами, **должны** быть **рациональные основания** полагать, что подобные меры могут привести к **ожидаемому** результату» (§ 246 **Постановления от 15.10.15 г. по делу «Перинчек против Швейцарии»**). «Даже если исходить из того, что оспариваемое ограничение является законным, правительство не выдвинуло никаких аргументов в отношении его цели или соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью, какими бы они ни были... (§ 43 **Постановления от 20.02.18 г. по делу «Вужович (Vujović) и Липа Д.О.О. (Lipa D.O.O.) против Монтенегро»**)... **потеря заявителями возможности использования средства правовой защиты, по которым они разумно считались доступными, представляет собой непропорциональное препятствие** (...). Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 44 там же).

О необходимости установления баланса прав и обязанностей подлежащих установлению участников правоотношений говорят и выжившие из Ума Маразматики из конституционного якобы суда РФ, что я объясню отдельно в главе об ответственности органов власти. Важно лишь отметить, что, говоря о том, как нормы права звучат и должны применяться и не рассматривая вопросы практики, выжившие Ума Маразматики в результате **уничтожили** и теорию, и практику, поскольку **преступная практика стала разлагать мозги «ученых» и «законодателей»** и теперь всё больше и больше появляются не только «законы» дискриминационные, но откровенно преступные. Если они даже не направлены на непосредственное совершение преступлений, то сокрытие преступлений стало уже абсолютной нормой.

1.3.2 Также необходимо иметь ввиду, что «**Право на справедливое отправление правосудия занимает столь важное место в демократическом обществе, что его нельзя принести в жертву ради целесообразности**» (§ 56 **Постановления от 14.02.17 г. по делу «Хоккелинг против Нидерландов»**).

«... если решения, принимаемые административными органами, которые определяют гражданские права и обязанности, сами не удовлетворяют **требованиям статьи 6 Конвенции**, необходимо, чтобы такие решения подлежали последующему контролю со стороны "**судебного органа, обладающего полной юрисдикцией**" и **который обеспечивает гарантии этой статьи** (...)» (§ 41 **Постановления от 21.12.17 г. по делу «Фельдман и Славянский банк против Украины»**). «... для того, чтобы **защитить человека от произвола, не является достаточным** обеспечить **формальную** возможность состязательного разбирательства **для проверки применения правовой нормы** к его или ее делу (...). Внутригосударственные суды **должны** осуществлять **содержательный анализ действий органов государственной власти, затрагивающих права, предусмотренные Конвенцией** в соответствии с **требованием законности** (...) (§ 50 **Постановления ЕСПЧ от 23.02.16 г. по делу «У.У. против РФ»**) и «**требование предсказуемости** также означает предоставление лицам **адекватного указания** на обстоятельства и условия, при которых власти имеют полномочия принимать меры, **оказывающие влияние на их права в соответствии с Конвенцией**» (...) (§ 49 там же).

«Хотя государства имеют право на **определенные** пределы усмотрения при выполнении своих **обязательств** по статье 13 Конвенции, **это усмотрение не**

должно приводить к тому, что на практике заявителю отказывают в **минимуме процессуальных гарантий, необходимых для его защиты от произвола**. (§ 97 Постановления БП ЕСПЧ от 13.12.12 г. по делу «Де Соуза Рибейро против Франции») и **«для того, чтобы средство правовой защиты было эффективным и чтобы избежать любого риска произвольного решения, должно иметь место подлинное участие в рассмотрении вопроса судом или "органом власти"»**. (§ 93 Постановления БП ЕСПЧ от 13.12.12 г. по делу «Де Соуза Рибейро против Франции»). При этом **«Адекватность меры надлежит оценивать быстротой ее воплощения в жизнь** (§ 142 Постановления от 23.10.14 г. по делу «В.П. против РФ»)». Суды и публичные власти **должны** действовать эффективно и стараться избегать задержек при каждой возможности» (§ 154 там же).

Однако многим давно уже понятно, что «основная проблема заключалась не в теоретической доступности средств правовой защиты в национальном праве, а, скорее, в **произвольном** применении закона нижестоящими судами и, как следствие, лишение жертвы эффективных внутренних средствах правовой защиты» (§ 149 Постановления от 12.06.08 г. по делу «Власов против РФ»).

1.3.2.1 Что касается понятия "произвольности", то его «не следует приравнивать к понятию "противозаконности", а следует **толковаться более широко**, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и **несоблюдения процессуальных гарантий** (1134/2002, *Горджи-Динка против Камеруна*, пункт 5.1; 305/1988, *Ван Альфен против Нидерландов*, пункт 5.8.), наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности» (п. 12 Замечаний общего порядка № 35 КПЧ). Если мы примем во внимание, что когда **«сущность виновного остается расплывчатой и по этой причине не может быть юридически predetermined (принцип законности) или доказана (требование справедливого судебного разбирательства)»** (совпадающее мнение судьи Боштьяна М. Зупанчича к Постановлению БП от 23.03.16 г. по делу «Блохин против РФ»), то под справедливостью понимается **доказанность** инкриминируемого правонарушения и **адекватность** примененного наказания. Это следует и из ст. 6 УК РФ. Однако справедливость не может ограничиваться только наказанием виновного. Она **должна** вести к адекватной компенсации потерпевшему, то есть **наказание и возмещение должны быть соразмерными** и не могут рассматриваться без взаимосвязи. То есть **мы всегда** будем иметь произвол, если будет нарушаться баланс между Жертвой и причинителем вреда, от кого бы он ни исходил.

Также напоминаю, что **«Принцип соразмерности должен соблюдаться не только в законодательстве, в котором предусматриваются ограничения, но и административными и судебными властями в процессе применения законодательства. Государства должны обеспечивать, чтобы любые процедуры, связанные с осуществлением или ограничением этих прав, осуществлялись в кратчайшие сроки и чтобы приводились причины, оправдывающие применение ограничительных мер** (п. 15 Замечаний общего порядка № 27 КПЧ)». Применение ограничений в каждом конкретном случае должно **объясняться** четкими **правовыми основаниями** и **соответствовать критерию необходимости** и **требованиям соразмерности**... (п. 16 там же)». Упоминание в этом контексте о понятии "произвольность" делается с целью подчеркнуть, что **оно применяется к любым мерам, принимаемым государством, будь то законодательным, административным или судебным; этот принцип гарантирует, что даже вмешательство, предусмотренное законодательством, должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и должно, в любом случае, являться разумным** в соответствующих конкретных обстоятельствах... (п. 21 там же)».

При этом **«любые ограничения, вводимые государством-участником, должны быть совместимы с положениями Пакта»** (п. 3.4 Сообщения КПЧ от 11.07.97 г. по делу «Роберт У. Готье против Канады»)

1.3.2.2 Вопросы о средствах правовой защиты, защищаемые ст. 13 Конвенции **во взаимосвязи** со ст.ст. 3, 17 Конвенции, запрещающие пытки, бесчеловечное и унижающие достоинство обращение (п.п. 1.13 – 1.14.21 ниже), **а также**

злоупотребление правом рассмотрены как в данном обращении, так и в п.п. 2 – 2.9.7 заявления № 2975 (<https://goo.gl/n5VtMQ>). Важно лишь понимать, что уклонение суда (правоприменителя) от **надлежащего рассмотрения** вопроса о праве является **неуважением этого права**. Когда внутригосударственные власти не проявляют надлежащей заботливости для рассмотрения вопроса, подлежащего разрешению, то они не принимают мер для **обеспечения эффективного уважения** к личности заявителя (§§ 128, 132, 134, 136 **Постановления от 05.06.14 г. по делу «Терещенко против РФ»**), чем **создают конфликт интересов**, который является **безусловным основанием** для отвода и самоотвода в силу п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, п. 3 «с» Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г., ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», ч. 1 ст. 10, ч. 5 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции», ч. 1 ст. 10, ч. 5 ст. 11 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г. и в случае неурегулирования конфликта интересов - увольнения с занимаемой должности по основаниям, предусмотренным п. 3 ст. 2, ст. 5 Пакта, ст.ст. 13, 17 Конвенции, ч. 6 ст. 11, п. 1 ч. 1 ст. 13.1, ч. 2 ст. 13.1 ФЗ «О противодействии коррупции», ч. 6 ст. 11 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г. При этом в ситуации, когда Жертве предъявляются требования доказать достоверность ее утверждений, **и одновременно с этим игнорируются ее попытки представить такие доказательства, и тем самым подтвердить их правдивость**, правоприменители не реагируют на подтверждения, представляемые Жертвой, то их выводы о недостоверности утверждений Жертвы нельзя считать обоснованными, что необходимо в демократическом обществе (§ 25 **Постановления от 02.10.07 г. по делу «Флукс» и Самсон против Молдовы»**). «... **требование к заявителю доказать достоверность его утверждений и одновременное лишение его действительной возможности представить доказательства правдивости своего утверждения и, тем самым, установить их достоверность или показать, что их содержание не было совершенно бесосновательным, является несоразмерным вмешательством в осуществление права на свободное выражение мнения»** (§ 44 **Постановления от 03.07.07 г. по делу «Флукс» против Молдовы (№ 2)**»), то есть нарушением права на справедливое разбирательство дела. При этом «национальные власти **обязаны** применять стандарты, которые находятся в соответствии с принципами, изложенными в Статье 10 и, к тому же, что они **обязаны основывать** свои доводы на **приемлемой оценке юридически значимых фактов»** (§ 40 **Постановления от 12.09.08 г. по делу «Франкович против Польши»**).

Также к Жертвам не может предъявляться претензий, когда они поднимают «**вопросы, вызывающие большой общественный интерес, а именно, предполагаемые злоупотребления своим положением со стороны высшего государственного служащего и неспособность правоохранительной системы отреагировать на эти злоупотребления должным образом»** (§ 27 **Постановления от 02.10.07 г. по делу «Флукс» и Самсон против Молдовы»**).

1.3.3 В одном из не многих Постановлений ЕСПЧ, с которым я согласен на 95 % от 31.05.16 г. по делу **«Ганкин и другие против РФ»**, разъяснено, что **внутригосударственные суды обязаны исследовать доказательства, подтверждающие их утверждения и вносить свои выводы в текст судебного решения** (§ 36). Также ЕСПЧ постановил: «Статья 6 Конвенции не может толковаться как предусматривающая конкретные формы почтовых судебных извещений (...). От внутригосударственных органов власти требуется наладить **идеально** функционирующую систему почтовой связи (...). Тем не менее **общая концепция справедливого судебного разбирательства**, охватывающая **основополагающий принцип**, согласно которому судебный процесс **должен быть состязательным** (...), **требует**, чтобы лицо, в отношении которого было возбуждено судебное разбирательство, было проинформировано о данном факте (...). Если **судебные документы**, в том числе повестка на судебное заседание, **не вручены надлежащим образом лицу, участвующему в деле, это может негативно повлиять на защиту собственных интересов лица в ходе судебного разбирательства** (...). (§ 28 там же)... право лиц, участвующих в деле, заключающееся в том, что они **должны** быть **заблаговременно** уведомлены о предстоящем судебном заседании, является неотъемлемой частью права на эффективное участие в гражданском судебном процессе, гарантированного ... статьей 6 Конвенции (§ 33 там же)... Суды **должны**

получить ответ на этот вопрос, чтобы определить, необходимо ли откладывать судебное заседание до надлежащего уведомления (...). Суды **не могут прийти к заключению**, что лицо, участвующее в деле, отказалось от своего права на личное участие в судебном заседании, **не выяснив**, действительно ли он или она **знали о существовании этого права** и, следовательно, о конкретном судебном заседании (...)... каждый раз, когда внутригосударственные суды рассматривают вопрос о своевременном уведомлении отсутствующего участвующего в деле лица, предполагается, что они уделяют **особое внимание** и **предоставляют возможность полностью осуществить право** эффективно представлять свое дело в суде, не ставя лицо в невыгодное положение по отношению к противоположной стороне... (§ 38 там же)... независимо от выбранного способа извещения внутригосударственный суд **обязан выяснить на основании имеющихся доказательств**, были ли лица, участвующие в деле, надлежащим образом уведомлены о предстоящем судебном заседании... (§ 39 там же)... Принимая во внимание широкую сферу полномочий кассационного суда, **гарантии справедливого судебного разбирательства, закрепленные статьей 6 Конвенции**, в том числе, в частности, право делать устные заявления в суде, были также важны в кассационном судопроизводстве, как они были важны при рассмотрении дел судами первой инстанции. Тем не менее для того, чтобы **эти гарантии** давали практический эффект **в соответствии с требованиями Конвенции**, а не оставались теоретическим иллюзорным правом, заявители **должны** были быть извещены о судебном заседании таким образом, чтобы они **имели возможность** участвовать в нем, **если они решали** реализовать свое право **присутствовать на судебном заседании**, установленное внутригосударственным законодательством (§ 40 там же)».

Также: «... **отсутствие выяснения внутригосударственным судом вопроса** о том, получил ли заявитель **своевременно** судебную повестку, и если нет, то должно ли было быть отложено судебное заседание, **само по себе несовместимо с подлинным уважением принципа справедливого судебного разбирательства** и может привести к выводу Европейского Суда о наличии **нарушений пункта 1 статьи 6 Конвенции** (§ 42 там же)... приступив к рассмотрению по существу кассационных жалоб, не попытавшись при этом выяснить, знали ли заявители, по крайней мере, о месте и времени судебных заседаний, или, как в деле заявительницы Шевченко, должны ли они были это знать, внутригосударственные суды **лишили заявителей возможности** эффективно представлять свои интересы при рассмотрении их дел и **не выполнили свое обязательство** соблюдать принцип справедливого судебного разбирательства, предусмотренный статьей 6 Конвенции (§ 43 там же)».

Таким образом, если **судебные документы не вручены надлежащим образом лицу, участвующему в деле**, это может негативно повлиять на защиту **собственных интересов лица в ходе судебного разбирательства**. Внутригосударственные суды **обязаны** исследовать доказательства, **подтверждающие их утверждения и вносить свои выводы в текст судебного решения**. Отсутствие выяснения внутригосударственным судом вопроса, имеющего значение для дела, само по себе **несовместимо с подлинным уважением принципа справедливого разбирательства дела, является невыполнением своего обязательства** по его соблюдению и нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции (§§ 28, 36, 42, 43 **Постановления от 31.05.16 г. «Ганкин и другие против РФ»**), то есть является Произволом и отказом в Правосудии.

1.3.4 При этом **всегда** обязательно необходимо иметь ввиду, что «**неполная и, следовательно, вводящая в заблуждение информация** представляет собой злоупотребление правом, особенно если эта информация затрагивает ее **основное содержание**, и не представлено **удовлетворительного объяснения** нераскрытию этой информации, а **отказ в приведении мотивов ограничения или лишения права** «без конкретного указания оснований **является актом произвола**» (...)» (§ 72 **Постановления от 17.04.14 г. по делу «Любовь Стеценко против РФ»**, Добавление I Сообщения КПЧ от 11.07.97 г. по делу «Роберт У. Готье против Канады»). Также «Предоставление ... неполной информации может означать «злоупотребление правом ...» по смыслу пункта 3 а) статьи 35 Конвенции, особенно **если информация касается основного дела или существенных доказательств** и неспособность разъяснения этого недостаточно объяснена. **Неспособность заявителя обратить внимание ... на**

важные события, происходящие в ходе разбирательства, **может также представлять собой такое злоупотребление (...)** (§ 63 **Постановления от 07.12.17 г. по делу «S.F. и другие против Болгарии»**)... Термин «злоупотребление правом [и]», как он используется в пункте 3 (а) статьи 35 Конвенции, **должен** пониматься в его **обычном значении**, а именно: **вредное осуществление права его обладателя способом, несовместимым с целью, для которой он предназначен (...)**...» (§ 65 там же). При этом необходимо иметь в виду, «что **фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно также, как и юридическое (...)** (§ 98 **Постановления от 18.02.09 г. по делу «Андреева против Латвии»**)... процессуальные нормы направлены на то, чтобы **обеспечить надлежащее** отправление правосудия и соблюдение принципа правовой определенности, и что **заинтересованные лица вправе ожидать, что данные нормы будут соблюдаться (...)**. Этот принцип применяется в **обоих направлениях**: не только по отношению к участникам судебного разбирательства, но **также по отношению к национальным судам**» (§ 99 там же).

Согласно смысла Добавления I к Сообщению КПЧ от 11.07.97 г. по делу «Роберт У. Готье против Канады», где выражено особое мнение г-на Прафулачандры Натварлала Бхагвати, лорда Колвилла, г-жи Элизавет Эватт, г-жи Сесилии Медины Кирога и г-на Иполито Солари Иригойена, статья 26 Пакта устанавливает, что все люди равны перед законом. Равенство предполагает, что применение **законодательных и нормативных актов**, а также **административных решений** государственными должностными лицами **не должно быть произвольным**, а должно строиться на **четко определенных основаниях**, гарантирующих равенство обращения. **Отказ предоставить информацию без конкретного указания оснований является актом произвола**. Кроме того, когда отсутствует процедура обжалования, то в этих случаях нарушается принцип равенства перед законом, закрепленный в статье 26 Пакта.

1.3.5 В § 66 **Постановления от 16.10.14 г. по делу «Ворожба против РФ»** разъяснено, что «... **жалоба представляет собой злоупотребление правом на обращение, если в ее основу умышленно положены не соответствующие действительности сведения с целью ввести ... в заблуждение (...)**. Кроме того, ... этот **вид злоупотребления** может совершаться и путем **бездействия, если заявитель с самого начала не сообщает ... о каком-то обстоятельстве, имеющем важное значение для рассмотрения дела (...)**... аналогичным образом, если во время рассмотрения дела ... происходят новые важные события, а заявитель ... не сообщает ... о них, лишая ... тем самым возможности вынести решение по делу на основе полной информации обо всех его аспектах, его жалоба может быть отклонена на основании того, что заявитель злоупотребил своим правом на обращение ... (...). Кроме того, ... намерение заявителя ввести в заблуждение во всех случаях должно устанавливаться с достаточной долей определенности (...)».

1.3.6 Напоминаю, что произволом, по мнению ЕСПЧ, при отправлении правосудия, является, например, «**если, несмотря на соблюдение буквы национального закона, имел место элемент недобросовестности или обмана со стороны властей (...); если национальные власти пренебрегли стремлением правильно применять относимое законодательство (...); или если судебные органы санкционировали длительный срок содержания под стражей, не мотивируя соответствующие решения (...)** (§ 146 **Постановления от 23.09.10 г. по делу «Искандаров против РФ»**)... Ссылаясь на свои предыдущие выводы в части установления фактов настоящего дела (см. § 115 настоящего Постановления), Европейский Суд полагает, что **использование представителями государства столь непрозрачных методов вызывает глубокое сожаление**, поскольку такие практики могут не только нарушить правовую определенность и **породить чувство личной незащищенности** у граждан, но также могут в целом грозить подрывом общественного уважения и доверия к национальным властям (...) (§ 148 там же).

1.3.7 В § 157 **Постановления от 31.05.11 г. по делу «Ходорковский против РФ»** ЕСПЧ постановил, что «с целью определения стандарта оценки национальной законности Европейский Суд предлагал проводить различие между "**очевидно недействительными**" постановлениями о содержании под стражей и иными постановлениями, которые могут содержать недостатки, иногда ссылаясь на похожее различие, предусмотренное английским правом (...). Лишь такие нарушения

национального процессуального и материального права, которые можно охарактеризовать как **"грубые и очевидные" в исключительном смысле**, определенном в прецедентной практике, должны привлекать внимание Европейского Суда. Понятие "грубого или очевидного нарушения" само по себе не имеет точного определения: в зависимости от обстоятельств оно может включать **отсутствие юрисдикции (...), отказ заслушать заключенного (...), неуказание оснований содержания под стражей (...), недобросовестность со стороны властей** и так далее (...).

Можно утверждать, что здесь указана **системная** проблема российского Кривосудия, перемалывающего не тысячи, а сотни тысяч неугодных **преступному** режиму. В рассматриваемом же случае мы имеем полный набор грубых и очевидных нарушений норм материального и процессуального права.

1.3.8 К произволу ЕСПЧ относит и ситуацию, когда «национальные власти пренебрегли стремлением **правильно** применять относимое законодательство» (§ 47 Постановления от 10 июня 1996 г. по делу "Бенем против Соединенного Королевства") и «регламентация процесса **имеет целью, прежде всего, защиту** преследуемого лица от возможных **злоупотреблений властью**, и что, следовательно, именно защита в наибольшей степени может пострадать от пробелов и неточностей такой регламентации» (§ 102 Постановления от 22.06.2000 г. по делу «Коеме и другие против Бельгии»).

1.3.9 В п. 11.9 Комитет по правам человека ООН в Соображениях от 01.04.15 г. по делу «Юбой Кумари Катвал против Непала» разъяснил, что ст. 16 Пакта, понимается, как **«умышленное непредставление какому-либо лицу защиты закона в течение длительного времени может означать отказ в признании правосубъектности данного лица, если жертва находилась в руках представителей государства, когда ее видели в последний раз, и если для родственников жертвы создаются систематические препятствия в получении доступа к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе к судебным»**. То есть, лишение Жертв возможности пользования подлежащими применению нормами действующего законодательства, доступа к средствам правовой защиты в лице органов государственной власти, означает нарушение права на правосубъектность и это право подлежит защите в международных инстанциях, таких, как, например, Комитет по правам человека ООН, поскольку **ЕСПЧ давно уже стал коррумпированным органом, где Конвенция стала не предметом защиты прав человека, а предметом торга и личного обогащения**.

Но здесь важно понимать главное: отсутствие возможности воспользоваться защитой законов страны делает Жертв потенциальными беженцами и поэтому все те, кто имеют отношение к лишению Жертв доступа к Правосудию имеют прямое отношение не только к развалу любого государства, но и к установлению преступных режимов и, в конечном счете, к развязыванию войн и терроризма.

1.3.10 Поэтому **особо одаренным, то есть Ебанутым**, повторяю требования п. А.2 ст. 1 Конвенции ООН «О статусе беженцев», который предусматривает, что беженцем может быть признано лицо, которое **«в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны** или не желает пользоваться такой защитой **вследствие** таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, **не может** или не желает **вернуться в нее вследствие таких опасений»**.

1.3.11 При этом, «принцип верховенства права, лежащий в основе Конвенции,

а также **принцип законности** ... **требуют** от государств не только соблюдать и последовательно применять принятые ими законы так, **чтобы можно было предусмотреть последствия их применения**, но и вдобавок к этой **обязанности** обеспечивать в праве и на практике **условия для их применения**» (§ 184 **Постановления БП от 22.06.04 г. по делу «Брониовский против Польши»**). Власти **должны** устранять существовавшее **несоответствие** между буквой закона и государственной практикой, **мешающей эффективному осуществлению права**. В соответствии с этими принципами от государства **требуется** также соответствующим образом, последовательно и своевременно **исполнить законодательные обещания**, сделанные в отношении поставленных вопросов. Требование о соблюдении принципа поддержания доверия граждан к государству и принятым им законам, вытекающего из принципа верховенства права, влечет за собой **запрет**, налагает на государственные органы **обязанность** устранить существующие в правовой системе дисфункциональные положения и исправить экстра-правовую практику (там же).

1.3.12 Также следует вспомнить и о доводах Европейского Суда, выраженных в п. 2 Решения о приемлемости дела Padin Gestoso: «"Возможности", которыми **должен** воспользоваться любой обвиняемый, включают в себя **возможности ознакомиться**, чтобы подготовиться к защите, **с результатом экспертиз**, проведенных на протяжении судебного разбирательства. Впрочем, **очевидно**, что **возможности, которые должны быть предоставлены обвиняемому, ограничиваются теми, которые способствуют или могут способствовать подготовке к защите**».

В § 79 **Постановления от 20.01.05 г. по делу «Майзит против РФ»** ЕСПЧ разъяснил: «"Право на защиту", в рамках которого подпункт "b" пункта 3 **Статьи 6** Конвенции содержит открытый список, **создано**, помимо прочего, **для установления равенства**, насколько это возможно, **между обвинением и защитой. Условия, которые должны быть созданы для обвиняемого, ограничены теми, которые способствуют или могут способствовать ему при подготовке своей защиты** (см. Доклад Европейской Комиссии по делу "Йесперс против Бельгии" (Jespers v. Belgium) от 14 декабря 1981 г., жалоба N 8403/78, DR 27, p. 61, § 55, 57)».

Также «Наличие фактических помех может нарушать Конвенцию точно так же, как и существование юридических препятствий... **создание препятствий для действенного осуществления права может оказаться равносильным нарушению указанного права, даже если препятствие и носит временный характер**. Соответственно, Суд **должен** был рассмотреть, нарушало ли обнаруженное им препятствие гарантируемое Конвенцией право и, в частности, статью 6...» (§ 26 **Постановления от 21.02.75 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства»**)... Статья 6 п. 1 направлена на защиту "права на само надлежащее **отправление правосудия**", "**право на то, чтобы правосудие осуществлялось**". Этот "важный и неотъемлемый составной элемент" объясняет различие в формулировке статьи 6 п. 1 и той, что используется в статьях 5 п. 4 и 13. Этот довод не лишен убедительности даже несмотря на то, что выражение "надлежащее отправление правосудия", которое иногда используется по причине его краткости и удобства (...), не содержится в тексте п. 1 статьи 6, и его можно понимать как **относящееся только к деятельности** по отправлению правосудия, а не к его организации» (§ 33 там же).

Однако, законодатель и правоприменитель, «... избирая конкретные **механизмы реализации прав**, не может устанавливать такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства, и **создавать неустранимые препятствия в реализации прав, приводя тем самым к фактическому их упразднению** (...)» (Определение КС РФ № 1040-О от 21.05.15 г.). То есть из смысла приведенного понятно, что можно провозгласить право и создать механизмы, при которых реализовать право будет невозможно. То есть **механизм реализации права может быть средством для упразднения этого права**, что в России повсеместно мы и имеем. Однако **всегда** необходимо помнить, что «**основной** предпосылкой отказа от права является то, что соответствующее лицо **должно знать о существовании данного права**...» (§ 87 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Дилипак и Каракая против Турции»**) и «... **право может быть ограничено только законом. Отсутствие механизма реализации ... права не может служить основанием для его ограничения**...» (Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18.05.17 г. по делу № А33-23918/2015 на решение Арбитражного суда Красноярского

края от "19" января 2017 года по делу N А33-23918/2015, принятое судьей Федориной О.Г.). При этом «... **гарантии Конвенции требуют, чтобы любое вмешательство в право ... не только было основано на законе, но и ... было пропорционально законной цели, которую оно преследовало в конкретных обстоятельствах дела...**» (§ 54 Постановления от 13.09.16 г. по делу «Андрей Медведев против РФ»). «**Точно так же, как никакое положение законодательства страны не должно толковаться и применяться способом, несовместимым с обязательствами государства на основании Конвенции (...), пробел во внутригосударственном законодательстве не может служить оправданием для уклонения от реализации в полном объеме конвенционных стандартов**» (§ 31 Постановления ЕСПЧ от 16.02.16 г. по делу «Евдокимов и другие против РФ»). Также, «... **цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту**» (абзац 2 п. 2.2 мот. части Постановления КС РФ № 9-П от 14.05.15 г.).

1.3.13 Согласно смысла §§ 59, 60 Постановления ЕСПЧ от 04.06.15 г. по делу «Руслан Яковенко против Украины» понятие «произвол» может выходить за пределы соответствия национальному законодательству. То есть действия властей могут быть законными «в соответствии с национальным законодательством, все еще может быть произвольным и, таким образом, противоречить Конвенции». Один из общих принципов, установленных в прецедентном праве Суда предусматривает, что действия властей будут «произвольными», «если, несмотря на соблюдение буквы национального законодательства, имел место элемент **недобросовестности** или **обмана** со стороны властей, или если национальные власти не пытались применить **соответствующий закон должным образом**».

При этом, при решении любого вопроса **должны** соблюдаться пропорциональность, определяться конкретная цель для совершаемых действий и избираться **адекватные** средства правовой защиты, которые «**должны предотвращать предполагаемое нарушение** или **его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (...)**» (§ 347 Постановления от 17.01.17 г. по делу «А.Х. и другие против РФ»). Преступная деятельность председателей судов в России привела к тому, что применяемые ими ограничения исключают и уменьшают возможность судебной защиты таким образом и в такой мере, что **сама сущность права на обращение в суд посредством Интернет-технологий лишается смысла**. «Более того, ограничение является противоречащим **пункту 1 статьи 6** Конвенции, если оно не преследует законную цель и если отсутствует **разумное** соотношение между используемыми средствами и преследуемой целью» (§ 53 Постановления ЕСПЧ от 21.11.01 г. по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства»). Избираемые российскими правоХоронителями средства не содержат пропорциональности, зато преследуемые цели содержат элементы недобросовестности, обмана и откровенно преступны и для достижения преступной цели лишения Жертв права на доступ к Правосудию правоХоронители выдумывают все новый и новый Абсурд и это при том, что «... **верховенство закона** и **отказ от произвола власти** являются принципами, лежащими в **основе** Конвенции (...). В судебной сфере эти принципы служат укреплению доверия общественности к **объективной** и **прозрачной** системе правосудия, одной из **основ** демократического общества (...) (§ 2 особого мнения судей Раймонди, Лазаровой Трайковской, Лаффранке, Сицилиана, Лубарды, Грозева и Арутюняна на Постановление от 29.11.16 г. по делу «Лермитт против Бельгии»). Верховенство права, которое является одним из **основополагающих** принципов демократического общества и **присуще всем статьям Конвенции (...)** находит свое квинтэссенционное выражение в статье 6 Конвенции (...) (§ 3 там же). Соответственно, право на справедливое судебное разбирательство **должно** толковаться в свете преамбулы к Конвенции, которая гласит, что законность является частью общего достояния Договаривающихся государств (...)» (§ 4 там же).

1.3.14 Также все почему-то забыли о том, что «... возбуждение дела само по себе не является соблюдением всех требований пункта 1 статьи 6 Конвенции. Конвенция

имеет целью гарантирование не тех прав, которые являются теоретическими или иллюзорными, но прав, которые **являются осуществимыми на практике и эффективными**. Право на обращение в суд включает в себя не только право инициировать судебное разбирательство, но и право на "разрешение" спора судом. Было бы иллюзорно, если бы национальная правовая система Высокой Договаривающейся Стороны позволяла лицу подать гражданский иск в суд, при этом не обеспечивая того, что дело будет разрешено посредством вынесения окончательного решения **в результате судебного разбирательства**. Было бы невообразимо, если бы в пункте 1 статьи 6 Конвенции подробно описывались процессуальные гарантии, предоставляемые сторонам, - на **справедливое, публичное и своевременное** судебное разбирательство - не гарантируя сторонам, что их гражданско-правовой спор **будет окончательно разрешен (...)**. Право стороны на доступ к правосудию было бы иллюзорным, если бы она оставалась **в неведении относительно хода судебного разбирательства и судебных решений, вынесенных по их делу, особенно когда такие решения имеют характер, препятствующий дальнейшему рассмотрению дела (...)**» (§ 41 **Постановления от 13.07.06 г. по делу «Дубинская против РФ»**).

1.3.15 Самое главное, что **все** выпускают из виду, когда говорят о произволе, так это то, что Беззаконие и Произвол **обусловлены** злоупотреблением правом, что **запрещено** ст. 5 Пакта, ст. 17 Конвенции, ст. 54 Хартии, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 10 ГК РФ. Когда правоХоронитель незаконно отказывает в приобщении к материалам дела и исследовании имеющих для дела доказательств, то он **обязательно** злоупотребляет правом, поскольку фактически фальсифицирует доказательства. Когда правоХоронитель не отражает в выносимом решении имеющие значение для дела доводы Жертвы, фальсифицируя само решение, то он **обязательно** злоупотребляет правом и должностными полномочиями. Когда правоХоронитель не дает оценку доказательствам на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, то он **обязательно** злоупотребляет правом и должностными полномочиями, поскольку **делается это исключительно в коррупционных целях**. Когда правоХоронитель отказывается исполнять свои обязанности и разъяснять права и обязанности участников подлежащих установлению правоотношений **и порядок их осуществления**, то он **обязательно** злоупотребляет правом, так как **умысел его направлен** на нарушение прав и воспрепятствование в их реализации. Когда правоХоронитель незаконно отказывается разъяснять порядок обжалования его Бреда **со ссылками на подлежащие применению** нормы действующего законодательства, то он **обязательно** злоупотребляет правом, так как **умысел его направлен** на воспрепятствовании Жертве в обжаловании его Бреда и т.д.

Более полно эти вопросы рассмотрены в апелляционной жалобе № 3029-3 (п. 1.7.10.1 ниже).

1.3.16 Так как вопрос о злоупотреблении правом не решается, а он является главным на сегодняшний день, поскольку **позволяет деградировать всему миру**, поэтому я повторю свои доводы, выраженные в п.п. 2.7.1 – 2.7.6 заявления № 2975. Злоупотребление правом – это когда **право используется как средство для достижения противоправной цели в нарушение установленного законом порядка**, что следует из смысла ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 10 ГК РФ.

Часть 4 ст. 1 ГК РФ **предписывает**: «Никто **не вправе** извлекать преимущества из своего **незаконного** или **недобросовестного** поведения». В силу ч. 1 ст. 10 ГК РФ: «**Не допускается осуществление гражданских прав** исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действуя в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо **недобросовестное** осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». Таким образом, мы **всегда** имеем злоупотребление правом, когда какое-либо лицо действует в нарушение **установленного законом порядка** с противоправной целью причинения вреда другому. Так как речь, как правило, идет о должностных лицах, полномочия которых определены **пределами** соответствующих нормативных актов, которые они **должны знать** и которым они **должны подчиняться**, поэтому неисполнение их **должно** быть отнесено к **умышленному и злостному их неисполнению**, нарушению **правильной** деятельности самого органа власти, фактически вредительству и саботажу, **безусловно**, конфликту интересов и невозможности дальше исполнять свои обязанности и **иметь право на все те привилегии, которые связаны с**

должностью, что следует из смысла ч.ч. 5, 6 ст. 10, ст. 13.1 ФЗ «О противодействии коррупции», ч.ч. 5, 6 ст. 11 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г.

Чтоб мы четко представляли о чем идет речь, привожу требования ч. 1 ст. 10, ч.ч. 5, 6 ст. 11, ст. 13.1 ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающие **безусловный** отвод в связи с созданием конфликта интересов и увольнение с занимаемой должности в связи с неустранением этого конфликта.

В силу ч. 1 ст. 10: «Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает **обязанность** принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, **влияет** или **может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)**».

То есть, по смыслу приведенной нормы конфликт интересов возникает тогда, когда должностное лицо не исполняет свои обязанности, чем нарушает права и законные интересы Жертвы. Этот смысл еще более определенно выражен в абзаце 3 ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ»: «Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) судьи **влияет** или **может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей** и при которой **возникает** или **может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными интересами граждан**, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, **способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан**, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации».

В силу ч. 5 ст. 11: «**Предотвращение и урегулирование** конфликта интересов, стороной которого является лицо, указанное в **части 1 статьи 10** настоящего Федерального закона, **осуществляются путем отвода** или **самоотвода** указанного лица в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

В силу ч. 6 ст. 11: «Непринятие лицом, указанным в **части 1 статьи 10** настоящего Федерального закона, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов **является правонарушением, влекущим увольнение** указанного лица в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В силу п. 1 ч. 1 ст. 13.1: «Лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, муниципальную должность, в порядке, предусмотренном федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, **подлежит увольнению** (освобождению от должности) в связи с утратой доверия в случае: 1) непринятия лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является».

В силу ч. 2 ст. 13.1: «Лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, муниципальную должность, **которому стало известно о возникновении у подчиненного ему лица** личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия также в случае непринятия лицом, замещающим государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, муниципальную должность, **мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов**, стороной которого является подчиненное ему лицо».

В силу п. 5 ч. 2 ст. 13.3 одной из мер по предупреждению коррупции, которые должны приниматься в организации является «предотвращение и урегулирование конфликта интересов».

1.3.17 Таким образом, в **основе** конфликта интересов **всегда** лежит злоупотребление правом, так как **результатом** конфликта интересов является нарушение прав и законных интересов Жертвы и неисполнение должностным лицом

своих обязанностей по осуществлению прав, которые стали объектом не признания, соблюдения и защиты, как это предписано ст. 2 Конституции РФ, а нарушения. Статья 2 Конституции РФ предельно ясно **устанавливает**, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. **Признание, соблюдение и защита** прав и свобод человека и гражданина – **обязанность** государства». Это **императивные** требования, исключающие дискреционные полномочия должностных лиц и **обязывающие** их этим **требованиям подчиняться**. Именно поэтому совершенно правильно установлено в § 68 Решения ЕСПЧ от 03.03.05 г. по делу «По вопросу о приемлемости жалобы «Йон Аурел Маноилеску и Александра Мария Добреску против Румынии и РФ», что право «**по своей природе оно стоит выше даже законодательства государства**». И это прямо **предписано** ст. 18 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. **Они определяют** смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и **обеспечиваются правосудием**».

Говоря об умысле, следует руководствоваться ч.ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ. В силу ч. 2 ст. 25 УК РФ: «Преступление признается совершенным с **прямым умыслом**, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), **предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления**». В силу ч. 3 ст. 25 УК РФ: «Преступление признается совершенным с **косвенным умыслом**, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, **не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично**».

1.3.17.1 В рассматриваемом контексте обязательно следует иметь в виду требования, предъявляемые к участникам судебного процесса Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 13.06.17 г. «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел». Однако, здесь также необходимо иметь в виду, что исходя из принципа юридического равенства **запрещено** различное обращение с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, а также «...**разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии**» (абзаце 5 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г., Постановления ЕСПЧ от 25.07.02 г. по делу «"Совтрансавто-Холдинг" против Украины», от 14.10.10 г. по делу «Щекин против Украины», от 07.07.11 г. по делу «Серков против Украины», от 24.11.11 г. по делу «Загородный против Украины»). Также мы должны помнить о том, что «... предусмотренное статьей 14 Конвенции право без какой бы то ни было дискриминации пользоваться правами, признанными в Конвенции, считается нарушенным в случае, если государства по-разному относятся к лицам в аналогичных ситуациях, **не предоставляя на то объективного и разумного основания** (...). Однако Европейский суд счел, что это не единственный аспект запрещения дискриминации, предусмотренный в статье 14 Конвенции. Право пользования без какой бы то ни было дискриминации правами, признанными в Конвенции, также считается нарушенным, когда государства без объективного и разумного основания не применяют **разный** подход к лицам, чьи ситуации значительно отличаются» (§ 44 **Постановления от 06.04.2000 г. по делу «Тлимменос против Греции»**).

В силу Решения Верховного Суда РФ от 31.01.12 г. по делу № ГКПИ11-2096: «Часть восьмая статьи 259 УПК РФ устанавливает, что копия протокола изготавливается по письменному ходатайству участника судебного разбирательства и за его счет. **Гражданское процессуальное законодательство РФ аналогичной нормы**, регулирующей порядок получения протокола судебного заседания лицами, участвующими в деле, **не содержит**. Однако **это не означает, что указанные лица не имеют права на его получение, поскольку в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)** (часть

четвертая статьи 1 ГПК РФ)».

В силу Решения Верховного Суда РФ от 11.10.17 г. по делу № АКПИ17-589: «**В главе 21 ГПК РФ**, регламентирующей порядок составления протокола судебного заседания, его содержание, порядок ознакомления с протоколом, **не содержится нормы**, в соответствии с которой на основании письменных заявлений и за счет лиц, участвующих в деле, их представителей могут быть изготовлены копии протокола. Однако **данное обстоятельство не означает, что указанные лица не имеют права на получение копии протокола, поскольку применяется норма, регулирующая сходные отношения (аналогия закона). В силу части 4 статьи 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, суды применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона)».**

Таким образом, отсутствие в процессуальном законодательстве нормы права, которая должна регулировать конкретные правоотношения не означает, что в этом виде судопроизводства не могут применяться нормы права, регулирующие сходные правоотношения в ином виде судопроизводства, что, кстати, следует из смысла ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Мало того, отсутствие в процессуальном законе норм, регулирующих конкретные правоотношения, то есть отсутствие запрета на что-либо, является основанием для удовлетворения требования гражданина не только в силу аналогии закона и права, но и ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, имеющую прямое действие (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и подлежащей применению непосредственно (ч. 2 ст. 15, ст. 18 Конституции РФ).

Итак, в силу п. 1 ППВС РФ № 21 от 13.06.17 г.: «Суд, сохраняя **независимость, объективность и беспристрастность, обязан** осуществлять руководство судебным процессом, **обеспечивающее правильное, своевременное** рассмотрение и разрешение ... дел и **в результате этого - защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод, законных интересов, укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений (...).** В случае **неисполнения** участниками судебного процесса и иными лицами процессуальных обязанностей (злоупотребления процессуальными правами) для осуществления надлежащего руководства судебным процессом может требоваться применение мер процессуального принуждения - **действий, совершаемых судом в отношении лиц, нарушающих установленные в суде правила и препятствующих осуществлению административного судопроизводства** (статья 116 КАС РФ). При этом **под нарушением установленных в суде правил следует понимать неисполнение процессуальных обязанностей, предусмотренных КАС РФ и (или) возложенных судом на определенное лицо в соответствии с положениями Кодекса (например, обязанностей добросовестно пользоваться процессуальными правами, явиться в судебное заседание, представить доказательство).** Исходя из **принципа законности и справедливости** при рассмотрении и разрешении ... дел,.. **меры процессуального принуждения должны отвечать требованию соразмерности допущенному нарушению, применяться с учетом всей совокупности обстоятельств совершенного нарушения и процессуального положения участника процесса».**

В силу абзаца 1 п. 3: «Мера процессуального принуждения может быть применена к лицу, участвующему в деле, его представителю, иному лицу, выступающему в суде от имени лица, участвующего в деле (например, к должностному лицу - руководителю органа государственной власти), к лицу, содействующему осуществлению правосудия, гражданину, присутствующему в зале судебного заседания, лицу, на которое процессуальным законом или судом на основании процессуального закона **возложена определенная процессуальная обязанность».**

В силу п. 11: «Срок действия таких мер, как ограничение выступления участника судебного разбирательства, лишение участника судебного разбирательства слова, удаление участника судебного разбирательства из зала судебного заседания на часть времени его проведения, то есть на определенный этап судебного разбирательства, **назначается судом в соответствии с принципом разумности, предполагающим учет существенности нарушения, характера вины** лица, его совершившего, и **обстоятельств совершения нарушения (...)**».

В силу абзаца 1 п. 17 «В случае, если **процессуальную обязанность** (например,

обязанность представить доказательства) следует исполнить в день или до дня проведения судебного заседания (предварительного судебного заседания) по административному делу, **лицу, на которое возложена эта обязанность, должно быть разъяснено, что за ее неисполнение без уважительных причин в установленный судом срок к нему могут быть применены меры процессуального принуждения**».

В силу абзаца 3 п. 18: «**В любом случае лицу, на которое налагается судебный штраф, должна быть предоставлена возможность давать объяснения, представлять иные доказательства, подтверждающие отсутствие оснований для наложения штрафа в судебном заседании. В ходе такого заседания ведется аудиопротоколирование и составляется протокол в письменной форме** (статья 204 КАС РФ)».

В силу п. 19: «... **под неуважением к суду понимается совершение действий (бездействия), свидетельствующих о явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения** (например, использование в тексте поданного в суд процессуального документа неприличных выражений, не оскорбляющих участников судебного разбирательства, лиц, содействующих осуществлению правосудия, суд; не обусловленное изменением обстоятельств дела или другими объективными причинами **неоднократное заявление одного и того же ходатайства, в отношении которого уже вынесено и оглашено определение суда**). При этом **не должны квалифицироваться в качестве неуважения к суду такие действия (бездействие), ответственность за совершение которых предусмотрена иными нормами процессуального законодательства** (например, непредставление истребуемых судом доказательств, неявка надлежащим образом извещенного лица, явка которого была признана судом обязательной, в судебное заседание), а также такие **действия (бездействие), которые влекут уголовную ответственность**. Если при рассмотрении административного дела суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников судебного разбирательства, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, он сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия (...)».

В силу абзаца 1 п. 23: «**Частная жалоба, представление прокурора на определение суда по вопросу о применении меры процессуального принуждения может быть подана лицом, в отношении которого применена соответствующая мера, его представителем, наделенным полномочием на обжалование судебного акта, правопреемником, прокурором**».

Таким образом, **злоупотребление процессуальными правами является неисполнение** участниками судебного процесса и иными лицами процессуальных обязанностей и совершение действий, **нарушающих установленные в суде правила и препятствующих осуществлению правосудия** (абзац 2 п. 1 ППВС РФ № 21 от 13.06.17 г.). **Под нарушением установленных в суде правил следует понимать неисполнение процессуальных обязанностей** (абзац 2 п. 1). За неисполнение процессуальных обязанностей к виновным лицам **должны** применяться меры процессуального принуждения. Назначение меры процессуального принуждения должно осуществляться в соответствии с **принципом разумности**, предполагающим учет существенности нарушения, характера вины лица, его совершившего, и обстоятельств совершения нарушения (п. 11). Лицу, на которое возлагается обязанность, **должно** быть разъяснено, что за ее неисполнение без уважительных причин этой обязанности к нему могут быть применены меры процессуального принуждения (абзац 1 п. 17). Лицу, на которое налагается мера процессуального принуждения должна быть предоставлена возможность давать объяснения, представлять иные доказательства, подтверждающие отсутствие **оснований** для этой меры (абзац 3 п. 18). Под **неуважением к суду** понимается совершение действий (бездействия), свидетельствующих о **явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения** (абзац 1 п. 19), к которым **должны относиться соответствующие процессуальные нарушения**, что опять-таки является злоупотреблением правом и что запрещено ст. 5 Пакта, ст. 17 Конвенции, ст. 54 Хартии, ч. 2 ст. 15, ч. 3 ст. 17, ст.ст. 52, 53 Конституции РФ. В случае совершения преступлений об этом **должны** уведомляться **соответствующие органы и прежде всего судом**. Неуведомление соответствующих органов о совершаемых в суде

преступлениях относится к процессуальным нарушениям (ст. 200 КАС РФ, ст. 226 ГПК РФ, ст. 141 УПК РФ) и, соответственно, нарушению Конвенции и злоупотреблению правом. **За злоупотребление правом, то есть неисполнение процессуальных обязанностей** предусмотрены **«Судебные штрафы, наложенные судом на должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления и других органов, организаций, на государственных и муниципальных служащих, взыскиваются из личных средств этих лиц (...)»** (абзац 2 п. 23). То есть за неисполнение судьями своих должностных обязанностей они **должны** платить из своего кармана и исходя из **буквального** понимания текста, поскольку они являются должностными лицами государственного органа (ст. 10 Конституции РФ), и исходя из запрета различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, и исходя из того, что «... процессуальные нормы направлены на то, чтобы **обеспечить надлежащее** отправление правосудия и соблюдение принципа правовой определенности, и что **заинтересованные лица вправе ожидать, что данные нормы будут соблюдаться** (...). **Этот принцип применяется в обоих направлениях:** не только по отношению к участникам судебного разбирательства, но **также по отношению к национальным судам**» (§ 99 **Постановления от 18.02.09 г. по делу «Андреева против Латвии»**).

В рассматриваемом контексте также необходимо иметь в виду, что «Право на образование по своей природе требует государственного регулирования, которое может меняться в зависимости от места и времени, в соответствии с потребностями и ресурсами как общества, так и конкретных лиц. Само собой разумеется, что **подобное регулирование никогда не должно ни наносить ущерба сути права на образование, ни вступать в конфликт с другими правами, закрепленными в Конвенции**» (...). **Указанные соображения тем более справедливы в отношении любого права, которое, в отличие от права на образование, не выражено достаточно четко**» (§ 38 **Постановления от 21.02.75 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства»**). В приведенном Постановлении Верховного Суда РФ достаточно четко сформулированы меры процессуального принуждения в отношении лиц, которые злоупотребляют своими правами, то есть не исполняют свои обязанности, чем и препятствуют отправлению Правосудия.

1.3.17.2 Согласно ч.ч. 1, 2 ст. 213.29 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вновь открывшимися обстоятельствами являются неправомерные действия стороны, направленные на сокрытие доказательств, имеющих значение для дела. Возобновление производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств осуществляется по заявлению лиц (ч. 1 ст. 213.29 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 47 ППВС РФ от 13.10.15 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»), которые **пострадали от недобросовестного поведения**, выражающегося в непредставлении **необходимых** сведений (абзац 5 п. 12, п.п. 17, 42, 43 ППВС РФ от 13.10.15 г. № 45). При этом, **отказывая в даче согласия на совершение другими законных действий, это лицо «действует недобросовестно, злоупотребляя правом»** (абзац 3 п. 21, абзац 3 п. 30 ППВС РФ от 13.01.15 г. № 45). Также лицо, на которое возложена обязанность по разрешению подлежащих установлению правоотношений, должно **«обеспечить реальную возможность лицам, имеющим право принимать участие ... реализовать это право (доступность)»** (абзац 2 п. 26 ППВС РФ от 13.10.15 г. № 45). В силу недопустимости злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ) суд **не вправе** вынести решение, если оно является заведомо неисполнимым, а также если при его реализации будут существенно нарушены права и законные интересы граждан (п. 31 ППВС РФ от 13.10.15 г. № 45).

К **признакам** недобросовестного поведения (Определение Верховного Суда РФ от 25.01.18 г. по делу № А48-7405/2015) относятся: не представление **необходимых** сведений или предоставление заведомо недостоверных или заведомо ложных сведений, а также незаконные действия (п. 4 ст. 213.28 ФЗ о банкротстве, п.п. 42, 43 ППВС РФ от 13.10.15 г. № 45).

Как правило, поведение российских правоХоронителей не обуславливается «ошибкой, совершенной при добросовестном заблуждении». Они **умышленно** скрывают необходимую информацию от заинтересованных лиц с преступной целью

нарушения их прав. При этом ведение документации, о которой правоХоронители сознательно умалчивают и скрывают её от Жертв, находится в сфере их контроля. Поэтому эти правонарушения, то есть преступления, «не характеризует правонарушение как малозначительное» (Определение Верховного Суда РФ от 25.01.18 г. по делу № А48-7405/2015).

1.3.17.3 В рассматриваемом контексте следует иметь ввиду и **помнить всегда**, что нарушение **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ** прав, гарантированных нормами международного права является преступлениями, предусмотренными ст.ст. 285, 286 УК РФ, что разъяснено в п. 18 ППВС РФ № 19 от 17.10.09 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий»: «Под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать **нарушение прав и свобод** физических и юридических лиц, **гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией** Российской Федерации (например, **права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе И КОМПЕНСАЦИЮ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**, и др.). При оценке существенности вреда **необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ** организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, **тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда** и т.п.».

1.3.17.4 Также, «... Конституция РФ **обязывает** государство **охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека**, условие их признания и соблюдения и **ничто** не может быть **основанием** для умаления достоинства личности... это предполагает, в частности, установление такого правового регулирования, которое - в соответствии с вытекающими из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ **принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства** - гарантировало бы гражданам, что **решения ... принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний**, а также **внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств**, с которыми закон связывает возникновение права ... **тщательности при оформлении документов ... с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности его официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы** (...). Притом что возможность пересмотра решения ... если оно **принято при отсутствии законных оснований**, в том числе в связи с представленными заинтересованным лицом недостоверными сведениями, **не может быть поставлена под сомнение, правовой механизм, регламентирующий такой пересмотр, - в силу конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также общеправовых принципов справедливости и юридического равенства - должен быть направлен на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности (пропорциональности)**... Проведение такой экспертизы составляет **обязанность** уполномоченной организации - учреждения медико-социальной экспертизы, от ошибок которого, в частности формально-процедурного характера, допущенных в том числе на стадии получения необходимых документов для проведения освидетельствования и не влияющих на результат оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма, **не должен страдать гражданин, ... при условии отсутствия в его действиях признаков недобросовестности (противоправности)**. **Иное приводило бы к сугубо формальному подходу в разрешении данного вопроса вопреки сути защищаемого права и, как**

следствие, к непропорциональному его ограничению в нарушение требований равенства и справедливости, как они выражены в Конституции Российской Федерации, ее статьях 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) (абзацы 3-5 п. 2 мот. части Постановления КС РФ № 10-П от 26.02.18 г.)... в судебной практике **должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений**; в тех случаях, когда в судебной практике допускается придание тем или иным законоположениям нормативно-правового смысла, **влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, который подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, с тем чтобы исключить их применение и истолкование в значении, противоречащем конституционным нормам (...)**» (абзац 3 п. 4 мот. части там же)... правоприменительные **органы, уполномоченные на вынесение решений, связанных с реализацией гражданами их ... прав, обязаны основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств, включая оценку достоверности соответствующих сведений, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства** (абзац 4 п. 3.2 мот. там же)... **гражданин не может реализовать свое субъективное право ... без принятия уполномоченным органом решения ... , которое и определяет содержание обязанностей органа, ... и в силу такого решения у органа ... непосредственно перед этим лицом, являющимся участником (субъектом) данного вида правоотношений, возникает обязанность ...**» (абзац 2 п. 3 мот. части там же).

При этом, «... в силу конституционного **принципа справедливости, проявляющегося в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников ... взаимодействия, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими ... не запрещенную законом ... деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены** обращенным к этим лицам **требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их ... деятельность. Конституционное требование действовать добросовестно и не злоупотреблять своими правами равным образом обращено ко всем участникам гражданских правоотношений.** Исходя из этого, Гражданский кодекс Российской Федерации называет в числе основных начал гражданского законодательства следующие: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений **должны** действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1); **никто не вправе** извлекать преимущество из своего **незаконного** или **недобросовестного поведения** (пункт 4 статьи 1); **не допускаются** любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением ... (пункт 1 статьи 10); в случае несоблюдения этих **требований суд с учетом характера и последствий** допущенного злоупотребления **отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом** (пункт 2 статьи 10). В свете указанных **требований Конституции РФ и корреспондирующих им общих положений (по сути, принципов)** гражданского законодательства **должны** интерпретироваться и применяться и нормы, непосредственно определяющие содержание и гарантии прав ... **если будет установлено недобросовестное поведение** одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела, **характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью** или **частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны...** правоприменители, прежде всего **суды, обязаны** применять положения законодательства .. не только исходя из их **системной связи** с основными положениями гражданского законодательства, но и **в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов - частных и публичных** (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55,

часть 3, Конституции Российской Федерации)» (абзацы 1-4 п. 5 мот. части **Постановления КС РФ № 8-П от 13.02.18 г.**)... **Имея своим предназначением воспрепятствование злоупотреблению правом, такое правовое регулирование не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания;** конституционными **требованиями справедливости и соразмерности** предопределяется дифференциация гражданско-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, **обуславливающих индивидуализацию** при применении тех или иных мер государственного принуждения. Соответственно, в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой **ответственности**, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, **должны** определяться исходя из **требования адекватности порождаемых ими последствий** (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому **вреда, который причинен в результате противоправного деяния**, с тем чтобы **обеспечивалась их соразмерность совершенному правонарушению**, а также **соблюдался баланс** основных прав индивида и **общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств**... взыскание компенсации за нарушение ... прав, будучи штрафной **санкцией, преследующей** в том числе публичные **цели пресечения нарушений** ... является, тем не менее, частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (пункт 1 статьи 1 ГК Российской Федерации), а именно правообладателя и нарушителя его исключительного права .., и в рамках которого защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, равенства и соразмерности, а также **запрета** на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, т.е. таким образом, чтобы **обеспечивался баланс** прав и законных интересов участников гражданского оборота... **преимущества, освобождающие ... от бремени доказывания** размера причиненного ущерба и наличия вины нарушителя... **не освобождает суд, применяющий в конкретном деле нормы**, которые ставят одну сторону (правообладателя) при защите своих прав в более выгодное положение, а в отношении другой предусматривают возможность неблагоприятных последствий, **от обязанности руководствоваться в рамках предоставленной ему дискреции правовыми критериями баланса конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности правонарушающему деянию**. Иное не согласовывалось бы ни с конституционными принципами справедливости и соразмерности, ни с общими началами частного права» (абзацы 3-6 п. 6 мот. части там же).

1.3.18 Применительно к нормам международного права, следует иметь в виду, что согласно ст. 41 Хартии Жертвы имеют право на **хорошее управление**. В силу п. 1: **«Каждое** лицо имеет право на рассмотрение своего дела институтами, органами и учреждениями Союза беспристрастно, справедливо и в разумный срок». В силу п. 2 «а» Жертва имеет «право каждого лица **быть заслушанным** до принятия по отношению к нему меры индивидуального характера, способной иметь для него неблагоприятные последствия». В силу п. 2 «b» Жертва имеет «право каждого лица **иметь доступ к материалам своего дела** при соблюдении законных интересов, относящихся к конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайне». В силу п. 2 «с» на администрацию возложена **обязанность** «мотивировать свои решения».

Этот же смысл имеют п.п. 2, 3 ст. 9 Декларации о праве. Однако я хочу обратить внимание на то, что в силу п. 3 «b» Жертвы имеют право: «присутствовать на открытых слушаниях, **разбирательствах и судебных процессах** с целью **сформировать свое мнение об их соответствии** национальному законодательству и **применимым международным обязательствам**».

В силу ст. 54 Хартии, которая запрещает злоупотребление правом: «Ни одно из положений настоящей Хартии **не должно толковаться** как подразумевающее **какое-либо право** заниматься деятельностью или совершать действия, направленные на уничтожение прав и свобод, признанных в настоящей Хартии, или на их **ограничение в большей степени**, чем это предусмотрено настоящей Хартией».

В силу ст. 19 Декларации о праве: «Ничто в настоящей Декларации не может **толковаться** как означающее, что какое-либо лицо, группа или орган общества или какое-либо государство имеет право **заниматься какой-либо деятельностью** или **совершать какие-либо действия, направленные на ликвидацию прав и свобод**, упомянутых в настоящей Декларации».

То есть ст. 54 Хартии **запрещает** не только ликвидацию прав и свобод, но и ограничение прав и свобод в большей степени, чем это предусмотрено законом, так как ограничение, устанавливающее невозможность реализовать права и свободы в полном объеме фактически является их отменой.

Согласно Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г., предусматривающего обязанности судей, они **обязаны** в ходе разбирательства **защищать права и свободы всех лиц** (п. 1). **Долг судей** состоит в том, чтобы при выполнении своих **судейских обязанностей** они **обеспечивали надлежащее применение закона и справедливое, эффективное и быстрое рассмотрение дел** (п. 2). Также судьи **должны** действовать **независимо во всех случаях** (п. 3 «а»); беспристрастно вести дела в соответствии со своей оценкой фактов и своим толкованием законов, **обеспечивать справедливое слушание аргументов и уважение процессуальных прав всех сторон в соответствии с положениями Конвенции** (п. 3 «b»); **отказываться от дела или соответствующих действий, когда для этого есть веские основания**, например, **конфликтом интересов** или интересами правосудия (п. 3 «с»); беспристрастно **разъяснять сторонам процедурные вопросы** (п. 3 «d»); **давать четкое и полное объяснение своим решениям доступным для понимания языком** (п. 3 «f»); проходить любую подготовку, **необходимую для эффективного и надлежащего выполнения ими своих функций** (3 «g»).

1.3.19 Так как ст. 5 Пакта, ст. 19 Декларации о праве, ст. 54 Хартии имеют тот же смысл, что и ст. 17 Конвенции, поэтому рассмотрим эти нормы с позиций ЕСПЧ, которые выражены в **Постановлении от 15.10.15 г. по делу «Перинчек против Швейцарии»**. Согласно смысла § 114, ст. 17 Конвенции **исключает** осуществление конвенционного права, когда право используется в целях, явно противоречащих конвенционным ценностям. Согласно смысла § 115, вопрос о применении ст. 17 Конвенции **пересекается** с тем правом, порядок осуществления которого должен быть предметом обсуждения.

Пользуясь дополнительным особым мнением судьи Иоганнеса Силвиса, к которому присоединились судьи Йозеп Касадеваль, Изабель Берро и Эгидиуса Курис, следует указать, что в деле "Молнар против Румынии" (Решение от 23 октября 2012 г.), Европейский Суд отметил, что, **поскольку действия заявителя несовместимы с демократией и правами человека, он не может ссылаться на статью 10 Конвенции**. Однако Европейский Суд этим не ограничился. Он завершил рассмотрение дела следующим замечанием: **даже если допустить, что по делу было допущено вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения, оно было оправдано с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции**.

1.3.20 Таким образом, можно утверждать, что злоупотребление правом – это всегда **отрицание подлежащих применению** норм действующего законодательства, результатом чего является причинение вреда, а поэтому **тот, кто правом злоупотребляет, не имеет права на защиту тех законов, которые он же и попирает**. И в этом смысле я должен привести доводы Путина В.В., выраженные в пятом послании и **которые должны быть определяющими при решении рассматриваемого вопроса**: «**Не имеют права** требовать соблюдения прав человека от других те, кто **сам их не уважает, не соблюдает и не может обеспечить**».

Поскольку в России создана **система** совершения **тотальных** преступлений со стороны существующего режима, выражающаяся в том, что **невозможно** получить ответы по существу поставленных вопросов и жалобы Жертв **систематически** в нарушение ч. 6 ст. 8 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»

пересылаются лицам и органам, чьи действия обжалуются, поэтому **все** представители этого режима, **причастные к созданию этой преступной практики**, злоупотребляют правом и **не имеют вообще никаких прав** на защиту тех законов, которые они сделали предметом глумления. Фактически речь идет о **причинах, которые привели к реальному геноциду и преступлениям против человечества**. Но такой способ рассмотрения относится к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, запрещенному ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ и **порождающий правовые последствия** в виде **обязательности** проведения эффективного, независимого, тщательного и беспристрастного расследования, как это прямо предусмотрено п. «b» Принципа 3, Принципа 4 Принципов о компенсации, что более полно рассмотрено в п.п. 1.14 – 1.15.15 ниже.

1.3.21 Также необходимо иметь в виду, что российские правоХоронители в мантиях и мундирах игнорируют тот факт, что не только интересы частной жизни, но и всего российского криминального общества в целом **должны** уступить по своей значимости интересам расследования и наказания преступлений и обеспечения гласности судопроизводства, если **такие интересы имеют более существенное значение**, что следует из смысла § 97 Постановления от 25.02.97 г. по делу «Z. против Финляндии». Но поскольку мои действия были направлены на **разоблачение злоупотребления правосудием**, которое мафиозным режимом в России культивируется повсеместно, поэтому они касались вопроса **публичного интереса, который выше всех иных интересов**, что разъяснено в **Постановлении от 23.03.16 г. по делу «Пинту Коэльо против Португалии (№ 2)»**. В этом Постановлении ЕСПЧ установил: «... нельзя считать, что вопросы, рассматриваемые судами, не могут до их рассмотрения или одновременно с таким рассмотрением порождать дискуссии за стенами судов, будь то в специализированных журналах, крупных газетах или в обществе в целом. Функции средств массовой информации, состоящей в распространении подобной информации и идей, **корреспондирует право** общественности на их получение. Тем не менее нельзя забывать о праве каждого лица на справедливое судебное разбирательство, гарантированном пунктом 1 статьи 6 Конвенции и по уголовным делам, включающим право на рассмотрение дела беспристрастным судом (...)... "журналисты, которые пишут статьи об **уголовных процессах, продолжающихся на момент** написания статей, должны помнить об этом, так как пределы допустимого комментирования не могут распространяться на утверждения, которые могут ухудшить, умышленно или неволью, шансы лица на справедливое рассмотрение его дела судом или подорвать доверие общественности к **роли судов при отправлении правосудия** по уголовным делам" (...) (§ 38)... **по вопросам, представляющим общественный интерес, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции не допускаются ограничения свободы выражения мнения** (...) (§ 40 там же)... по делам,..в которых необходимо установить баланс между правом на уважение частной жизни и правом на свободу выражения мнения, он исходит из того, что права, гарантированные статьями 8 и 10 Конвенции, в принципе a priori заслуживают уважения в равной степени, и результат рассмотрения жалобы не должен зависеть от того, была ли она подана в Европейский Суд лицом, упомянутым в репортаже, со ссылкой на статью 8 Конвенции, или автором репортажа со ссылкой на статью 10 Конвенции (...). Соответственно, в обоих случаях пределы усмотрения государства-ответчика должны быть одинаковыми... должен определить, являются ли "уместными и достаточными" цели защиты права других лиц на высказывание и обеспечение **надлежащего отправления правосудия**, на которые ссылаются власти Португалии в оправдание вмешательства (§ 41 там же). **Если внутригосударственные власти находят равновесие между этими двумя правами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, последнему будут нужны веские основания, чтобы заменить позицию судов государства-ответчика своей собственной оценкой** (...) (§ 42 там же)... общественность в целом имеет правомерный интерес в получении информации об уголовных процессах (...). Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию N Rec(2003)13 о предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов. В рекомендации упоминается, что **СМИ имеют право информировать общественность вследствие права общественности на получение информации**, и подчеркивается **важность СМИ в деле**

информирования общественности об уголовных процессах и освещения охранительной функции уголовного права, а также в деле обеспечения общественного надзора за функционированием системы уголовного судопроизводства. Среди принципов, закрепленных в данной рекомендации, указана возможность получать через средства массовой информации информацию о деятельности органов судебной власти и полицейских служб, которая предполагает, что журналистам должна быть предоставлена возможность свободно освещать и комментировать деятельность системы уголовного судопроизводства (§ 43 там же)... Заявительница пыталась указать на судебную ошибку, которая, по ее мнению, была допущена в отношении одного из осужденных. Соответственно, Европейский Суд допускает, что данный репортаж касался темы, представляющей общественный интерес (§ 44 там же)... на каждого, кто осуществляет свою свободу выражения мнения, включая журналистов, налагаются "обязанности и ответственность", объем которых зависит от положения этого лица и использованного технического средства (...)... защита, предоставляемая журналистам статьей 10 Конвенции, в принципе не должна освобождать их от обязанности соблюдать общеуголовное законодательство. (§ 45 там же). **Отсутствие признаков неправомерности в поведении заявительницы при получении записи судебного заседания необязательно имеет решающее значение при оценке того, исполнила ли она возложенные на нее обязанности и ответственность** (...)... В отношении поведения заявительницы ... она получила записи судебного заседания не противоправным способом, а что касается формы репортажа, то голоса судей и свидетелей были изменены таким образом, чтобы общественность не могла их идентифицировать... статья 10 Конвенции защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и способ их выражения. Соответственно, ни Европейский Суд, ни даже внутригосударственные суды не вправе занимать место прессы для того, чтобы указывать, каким способом описания событий следует пользоваться журналистам (...) (§ 46 там же). Европейскому Суду известно о желании высших судов государств - членов Совета Европы резко реагировать на негативное давление, которое могут оказывать средства массовой информации на стороны гражданских споров и подсудимых, тем самым уменьшая объем гарантии презумпции невиновности. Кроме того, пункт 2 статьи 10 Конвенции устанавливает пределы осуществления свободы выражения мнения. Следует выяснить, принимая во внимание обстоятельства конкретного дела, превалировал ли интерес в предоставлении информации обществу над "обязанностями и ответственностью", возложенными на заявительницу **ввиду отсутствия у нее разрешения на распространение записи судебного заседания** (§ 47 там же)... суды государства-ответчика обосновали приговор, вынесенный заявительнице, **без ссылки на необходимость обеспечения авторитета правосудия и без учета пределов осуществления судебной власти в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции**. (§ 48 там же)... власти государства-ответчика **не продемонстрировали, каким образом, учитывая обстоятельства дела, публикация фрагментов аудиозаписей могла негативно отразиться на интересах надлежащего отправления правосудия**. (§ 49 там же). При рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения мнения в демократическом обществе в интересах "защиты репутации или прав других лиц" ... может быть необходимо выяснить, удалось ли внутригосударственным властям достичь справедливого равновесия при защите двух гарантированных Конвенцией прав, которые в некоторых случаях могут вступать в противоречие друг с другом, а именно свободы выражения мнения, охраняемой статьей 10 Конвенции, с одной стороны, и права на уважение частной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, с другой стороны (...)... судебное заседание, проведенное в рамках рассматриваемого разбирательства, было публичным, и **ни одно из заинтересованных лиц не подало жалобы относительно предполагаемого посягательства на их право на свободу выражения мнения**. В той мере, в которой власти Португалии утверждали, что распространение без разрешения фрагментов аудиозаписи могло составлять нарушение права других лиц на свободу выражения мнения, Европейский Суд отмечает, что **у затронутых возможным нарушением лиц имелись внутригосударственные средства правовой защиты для предотвращения нарушения, но они им не**

воспользовались. Соответственно, **прежде всего на этих лицах лежала обязанность по принуждению других лиц к соблюдению их права**... пункт 2 статьи 10 Конвенции не предусматривает ограничений свободы выражения мнения, связанных с правом на высказывание, поскольку данное право не пользуется защитой в том же объеме, что и право на уважение репутации. Таким образом, **вторая правомерная цель**, упомянутая властями Португалии, при обстоятельствах настоящего дела **неизбежно теряет свою значимость**... **трудно понять, каким образом право на высказывание может помешать распространению фрагментов аудиозаписи судебного заседания, если, как в настоящем деле, судебное заседание было публичным**. Исходя из изложенного Европейский Суд приходит к выводу, что власти Португалии не в достаточной степени обосновали наказание, назначенное заявительнице вследствие распространения ею записей судебного заседания, и **внутригосударственные суды не обосновали ограничение права заявительницы на свободное выражение мнения в свете пункта 2 статьи 10 Конвенции**. (§ 50 там же)».

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу о том, что запрет на осуществление записи **открытого судебного заседания** по уголовному делу по разрешению суда является нарушением права на свободу выражения мнения и, соответственно, нарушением Конвенции. Однако следует обратить внимание **на самое важное обстоятельство**: в данном деле речь идет о **природе** частных правоотношений, **пересекающихся** с публичными в том смысле, что обвинение поддерживается государством. Однако как только речь заходит о **ненадлежащем отправлении правосудия**, то **речь уже идет о деятельности самих органов власти** и здесь меняется и **природа** правоотношений, и **вся законодательная база**, которая **должна** их определять. Так как деятельность власти является **вопросом, представляющим общественный интерес, поэтому в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции не допускаются и ограничения свободы выражения мнения**, то есть **способов получения доказательств противоправности**. Поэтому ЕСПЧ и пришел к выводу о том, что «привлечение заявительницы к уголовной ответственности **не отвечало "настоятельной общественной необходимости"**. Если основания, на которые ссылаются внутригосударственные органы в оправдание вмешательства, и являлись "уместными", то **"достаточными"** для оправдания **вмешательства в право на свободное выражение мнения заявительницы они не были**. (§ 55 там же). Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции (§ 56 там же)».

1.3.22 Вывод. Мы должны исходить из того, что «в любом случае право на состязательный процесс, являющееся одним из элементов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, в принципе **предполагает право** сторон, участвующих в процессе, **на ознакомление с любым документом или объяснением**, представленным суду **с целью оказать влияние на его решение или поставить его под сомнение** (). Это подходит как к **"гражданскому"**, так и **"уголовному" разбирательству** ()» (§ 40 Постановления от 07.06.07 г. по делу «Ларин и Ларина против РФ») и что «как в отношении гражданских дел, так и в отношении уголовных (...) статья 6 п. 1 **не делает различий между вопросами факта и права**. И те и другие имеют **определяющее значение** для исхода процесса, **предмет которого "гражданские права и обязанности"**. И те и другие обоюдно значимы для **"права на суд" (...)** и **для правового разрешения спора**» (п. 51 Решения от 23.06.81 г. по делу «Ле Конт, Ван Левен и де Мейер против Бельгии»).

Также в рассматриваемой части необходимо учитывать и то, что «из сформулированных ... правовых позиций применительно к уголовному судопроизводству, которые **в силу универсальности конституционного права на судебную защиту** могут быть распространены и на гражданское судопроизводство, следует, что пересмотр принятых судами решений, определений и постановлений может признаваться компетентным, справедливым и эффективным средством защиты прав и законных интересов личности **лишь при условии** предоставления заинтересованным участникам судопроизводства **реальной возможности** привести

свои **возражения и доводы против принятого решения и позиции противоположной стороны**, основываясь на обстоятельствах, зафиксированных как в самом этом решении, так и в **иных значимых для его принятия материалах дела** (...). Следовательно, при оспаривании лицами, участвующими в деле, кассационного определения, принятого по результатам рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, им **должна обеспечиваться возможность сослаться на конкретные обстоятельства, которые повлияли или могли повлиять на законность и обоснованность этого решения.** Поэтому такого рода обстоятельства - в том числе **касающиеся заявления отводов судьям и другим участникам судебного заседания, их удовлетворения или отклонения, представления сторонами дополнительных материалов, заявления ходатайств об исследовании доказательств и принятия по ним решений, допросе дополнительных свидетелей, назначении экспертизы и получении заключения по ней, обращения за помощью к специалисту - должны получать отражение в материалах гражданского дела,** что возможно как путем указания на них непосредственно в кассационном определении, так и путем их фиксации в протоколе судебного заседания, поскольку судебное заседание в суде кассационной инстанции проводится по правилам, установленным для проведения заседания в суде первой инстанции (**статья 350 ГПК Российской Федерации**)» (п. 2.1 мот. части Определения КС № 363-О от 18.07.06 г.).

Поэтому отказом в доступ к Правосудию и **злоупотребление правом** мы имеем **всегда**, когда осуществляется:

игнорирование судом доводов по важному вопросу, влекущее серьезные последствия, должно «считаться несовместимым с **принципом состязательности, который находится в центре понятия справедливого судебного разбирательства**» и нарушением статьи 6 Конвенции (§ 88 **Постановления от 16.11.10 г. по делу «Таске против Бельгии»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что дискреционное право **не является безграничным и не может произвольно применяться**. Для того, чтобы любое вмешательство можно было считать допустимым, такое вмешательство **должно** отвечать одновременно ряду условий: оно **должно быть предусмотрено законом, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах дела** (п. 7.2 Соображений от 02.07.14 г. по делу «Тимур Ильясов против Республики Казахстан»);

в случае, если на основании выводов экспертов суд выносит решение, то отказ от принятия к рассмотрению ходатайства Жертвы о допросе экспертов в открытом судебном заседании не соответствует требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции и является его нарушением (§ 66 **Постановления от 04.11.08 г. по делу «Бальсите-Лидейкене против Литвы»**);

когда ни в суде первой, ни в суде кассационной инстанции **не рассматриваются** ходатайства стороны защиты об исключении доказательств, полученных с нарушением закона и государство-участник никак не комментирует это, то это указывает на **неспособность судов государства-участника обеспечить гарантии справедливого судебного разбирательства** и нарушении п. 1 ст. 14 Пакта. «... **обзор или оценка фактов и доказательств** либо **анализ толкования внутреннего законодательства** национальными судами обычной и специальной юрисдикции осуществляется в основном не Комитетом, а судебными органами государств-участников; если только не наличествуют убедительные свидетельства того, что судопроизводство по конкретному судебному разбирательству или **оценка фактов и доказательств** либо **толкование законодательства** осуществляются явно произвольным путем или равносильны отказу в правосудии (...)» (п.п. 7.9, 7.10 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины»);

лишение правоприменителем Жертвы возможности привести свои доводы в связи с рассматриваемым вопросом, **что не является исключительно формальным нарушением**, свидетельствует о том, что он не использовал предоставленное ему право усмотрения в соответствии с требованиями **пункта 1 статьи 6 Конвенции** (§ 37 **Постановления от 13.05.08 г. по делу «Галич против РФ»**). То есть это является наглым **нарушением права** на справедливое разбирательство дела и актом произвола;

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «Правило раскрытия оправдывающих доказательств **обязывает** сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время **данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах**» (§ 201 **Постановления от 27.03.14 г. по делу «Матыцина против РФ»**). «**Статья 8 Конвенции налагает процессуальное обязательство на власти ..., требуя, чтобы подлежащее доказыванию утверждение ... было эффективно рассмотрено судами и чтобы их выводы были изложены в аргументированном решении суда (...)** (§ 115 **Постановления от 26.11.13 г. по делу «Х. против Латвии»**)... отказ принимать во внимание утверждение, сделанное заявителем, которое основывалось на заключении, составленном профессионалом, выводы которого могли установить вероятность наличия серьезного риска ... противоречил требованиям статьи 8 Конвенции. **Несостязательный характер заключения психолога не являлся достаточным для того, чтобы освободить суды от их обязательства рассмотреть его по существу, особенно учитывая, что судебные полномочия окружного суда позволили бы ему предоставить документ для перекрестного рассмотрения сторонами или даже санкционировать составление второго экспертного заключения по собственной инициативе, как это предусмотрено законодательством [государства]... в любом случае, поскольку права, защищенные статьей 8 Конвенции, которая является частью законодательства [государства] и применяется напрямую, представляют собой "основополагающие принципы запрашиваемого государства, касающиеся защиты прав человека и основных свобод" ... суд не мог игнорировать проведение такого рассмотрения ... (§ 117 там же)... хотя ... судебные власти обязаны действовать оперативно, это не освобождает их от обязанности проводить эффективное рассмотрение обвинений, сделанных стороной...» (§ 118 там же). «... Конвенция в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам. Например, **статья 4 Протокола N 7 к Конвенции однозначно разрешает государству исправлять ошибки уголовного судопроизводства. Судебное решение, в котором не отражены сведения об основных доказательствах по делу, может, безусловно, представлять собой такую ошибку.** Тем не менее полномочия по пересмотру должны быть осуществлены для исправления судебных ошибок и ошибок при отправлении правосудия, а не использоваться для "замаскированного обжалования" (...)** (§ 25 **Постановления от 12.07.07 г. по делу «Ведерникова против РФ»**)... Процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства... » (§ 26 там же). «... требования правовой определенности не являются абсолютными. Такие соображения, как возникновение новых фактов, **обнаружение фундаментального недостатка в предыдущих разбирательствах, которые могут повлиять на исход дела или необходимость возмещения, особенно в контексте исполнения решений Суда, все говорит в пользу возобновления разбирательства...** сама возможность возобновления уголовного дела prima facie соответствует требованиям Конвенции (...) (§ 62 **Постановления от 11.07.17 г. по делу «Moreira Ferreira против Португалии (№ 2)**)... приговор, игнорирующий ключевые доказательства представляет собой недостаток уголовного правосудия и что отказ от исправления ошибок может серьезно повлиять на справедливость, честность и общественную репутацию судебного разбирательства (...)... отставание после рассмотрения дела осуждения, которое было ошибкой оценки, которая увековечила это нарушение, нарушило право на справедливое судебное разбирательство (...)» (§ 63 там же);

когда **судебные документы не вручены надлежащим образом** лицу, участвующему в деле, это может негативно повлиять на защиту собственных интересов лица в ходе судебного разбирательства. Внутригосударственные суды **обязаны исследовать доказательства, подтверждающие их утверждения и вносить свои выводы в текст судебного решения.** Отсутствие выяснения внутригосударственным судом вопроса, имеющего значение для дела, само по себе несовместимо с подлинным уважением принципа справедливого

разбирательства дела, является невыполнением своего обязательства по его соблюдению и нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции (§§ 28, 36, 42, 43 Постановления от 31.05.16 г. «Ганкин и другие против РФ»), то есть является Произволом и отказом в Правосудии;

когда не соблюдаются требования о том, что «в разбирательстве, проходящем с участием профессиональных судей, понимание обвиняемым своего осуждения следует в основном из мотивированных судебных решений. В таких делах внутригосударственные суды **должны указывать** с достаточной ясностью те мотивы, на которых они **основывают** свои решения (...). Мотивированные решения также служат цели демонстрации сторонам того, что **их слышат**, тем самым способствуя большей готовности принятия решения с их стороны. Кроме того, они **обязывают** судей основывать свою мотивировку на **объективных** доводах, а также **поддерживают права** защиты. Однако пределы обязанности мотивировать изменяются в зависимости от характера решения и должны устанавливаться в свете обстоятельств дела (...). В то время как суды не обязаны давать подробный ответ на каждый выдвинутый довод (...), из решения **должно быть ясно, что существенные вопросы дела были рассмотрены** (...)» (§ 91 Постановления от 16.11.10 г. по делу «Таске против Бельгии»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «в тех случаях, когда апелляционный суд должен рассмотреть дело в отношении фактов и закона и сделать полную оценку вопроса о вине или невиновности заявителя, он не может в порядке справедливого судебного разбирательства должным образом определить эти вопросы без прямой оценки фактов, представленных лично обвиняемым, который утверждает, что он не совершил акт, который, как считается, является уголовным преступлением (...)» (§ 68 Постановления от 27.11.07 г. по делу «Попович против Молдовы»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... ограничение будет несовместимо с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует законную цель и если не существует разумной соразмерности между применяемыми мерами и преследуемой целью (...). **Право на доступ к суду нарушено, когда регулирования не служат более целям правовой безопасности и надлежащего управления правосудием, а составляют собой барьер, препятствующий подсудному лицу добиться рассмотрения по существу своего дела компетентным судом** (...)» (§ 22 Постановления от 22.07.14 г. по делу «Корня против Молдовы») ... поданная им апелляционная жалоба не была рассмотрена по существу, а была возвращена, поскольку была подана лицом, не имеющим право подавать апелляционную жалобу, **таким образом, самовольно воспрепятствовав заявителю в доступе к суду** (§ 25 там же) ... **нет необходимости в том, чтобы лицо использовало больше средств обжалования, нежели те, которые ему доступны** (...)» (§ 26 там же); **возбуждение дела само по себе не удовлетворяет всем требованиям принципа доступа к суду в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции**, если затем оно отклонено ввиду отсутствия процессуальной правоспособности, что само по себе не удовлетворяет **требованию эффективного контроля** в значении Конвенции (§ 80 Постановления от 07.07.15 г. по делу «M.N. и другие против Сан-Марино»), поскольку "необходимым в демократическом обществе" является "эффективный контроль", на который **граждане имеют право в условиях верховенства права и который способен ограничить вмешательство властей в осуществление права** (§ 83 там же);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... **право** обвиняемого на **публичное слушание** представляет собой не только дополнительные гарантии того, что человек будет стремиться к установлению истины: оно также помогает убедить обвиняемого в том, что его дело будет рассмотрено судом, когда **он может контролировать** независимость и беспристрастность. **Публичность разбирательства в судебных органах защищает тяжущихся против правосудия в тайне, без общественного контроля; она также представляет собой один из способов поддержания доверия к судам. Обеспечение прозрачности** помогает реализовать цели статьи 6 § 1: справедливого судебного разбирательства, включая гарантии, что является одним из принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции» (§ 25 Постановления от 06.07.04 г. по делу «Дондарини против Сан-Марино»).

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «даже если предположить ... что у заявителя была возможность прибегнуть к юридической помощи, **председательствующий судья, будучи основным гарантом справедливости разбирательства, не может быть освобожден от обязанности** разъяснить обвиняемому его процессуальные права и обязанности и **обеспечить их эффективное осуществление**» (§ 32 **Постановления от 28.11.13 г. по делу «Александр Дементьев против РФ»**); «В соответствии с законодательством Российской Федерации заявитель имел **неоспоримое право на участие** в судебном заседании лично либо **посредством видеосвязи, или в другой форме, указанной в соответствующем ходатайстве об участии** (...)... требование в отношении наличия данного ходатайства **не противоречит гарантиям статьи 6 Конвенции, если данный порядок судопроизводства четко прописан в национальном законодательстве и соблюдается всеми участниками судопроизводства, в том числе и судами** (§ 40 **Постановления от 27.01.2011 г. по делу «Кононов против РФ»**)... даже принимая во внимание тот факт, что в обязанности адвоката входило известить заявителя об особенностях апелляционного судопроизводства, председательствующий судья, **являвшийся основным защитником справедливости судопроизводства, не может быть освобожден от обязательства**, связанного с разъяснением обвиняемому его процессуальных прав и обязанностей, а также с **контролем по их надлежащему выполнению** (...)» (§ 43 там же). Также, «Уклонение властей государства-ответчика от раскрытия веских причин может серьезно повлиять на равновесие при оценке общей справедливости судебного разбирательства и нарушить равновесие в пользу установления нарушения статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции (...). Бремя доказывания возлагается на власти государства-ответчика, которые **должны убедительно продемонстрировать**, почему в виде исключения и при конкретных обстоятельствах дела общая справедливость судебного разбирательства не была необратимо умалена ограничением доступа к юридической консультации» (§ 265 **Постановления от 13.09.16 года по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства»**). При этом «... **государство-ответчик должно обеспечивать баланс между конфликтующими интересами, каждый из которых защищается Конвенцией**...» (Решение о приемлемости от 19.02.13 г. по делу «Фредрик Ней и Петер Сунде Колмисоппи против Швеции»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что ни у одного разумного человека «... **не может возникнуть вопрос об отказе только в связи с тем фактом, что лицо могло избегать, действуя старательно, возникновения ситуации, которая влекла умаление его прав. Данный вывод тем более значим в отношении лица, которое не имеет достаточных сведений о его преследовании и выдвинутых против него обвинениях, и в отсутствие юридической консультации, которая могла бы предостеречь его от определенных действий, включая возможность истолкования его поведения в качестве предполагаемого отказа от права на справедливое судебное разбирательство**». Для того чтобы можно было утверждать, что обвиняемый по сути в силу своего поведения отказался от существенного права, предусмотренного **статьей 6** Конвенции, **должно быть установлено, что он понимал природу этого права и мог в полной мере и разумно предвидеть последствия своего поведения и совершаемых действий** (§§ 47, 48 **Постановления от 24.04.12 г. по делу «Дамир Сибгатуллин против РФ»**), а также «понятие «гражданского процесса», изложенное в пункте 2 статьи 14 Пакта, **основано на природе права**, о котором идет речь, а не на статусе одной из сторон» (п. 7.5 Решения КПЧ от 20.03.07 г. по делу «Казми против Канады»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... государство-участник **должно предоставить подробное описание** тех средств правовой защиты, которые могли бы быть доступны автору **в данной конкретной ситуации, и представить материалы, подтверждающие обоснованность ожиданий в плане эффективности таких средств правовой защиты** (...). **Недостаточно общего описания прав и доступных средств правовой защиты**» (п. 6.4 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «**право на пересмотр** уголовного обвинения вышестоящей судебной инстанцией, **гарантируемое** в пункте 5 статьи 14, подразумевает, что апелляционная судебная инстанция **надлежащим**

образом рассматривает **все имеющие отношение к делу вопросы** с учетом таких **разумных** условий, которые применяются в отношении апелляции в соответствии с законодательством государства-участника. Если ... пересмотр позволяет произвести **переоценку фактов** и **доказательств**, то **тем же** принципом руководствуется и Комитет (как в случае других разбирательств), а именно принципом, согласно которому, как правило, оценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае относится к компетенции судов государств-участников Пакта, **кроме тех случаев**, когда может быть установлено, что **действия суда** или **оценка фактов и доказательств**, или **толкование законодательства** носят явно произвольный характер или равносильный отказу в правосудии» (п. 6.5 Решения КПЧ от 31.10.07 г. по делу «Дмитрий Хархаль против Беларуси»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «При определении того, являлось ли разбирательство справедливым в целом, следует учитывать, соблюдались ли права защиты, в частности, **имел ли заявитель возможность оспаривать подлинность доказательств и их использование** (...). Кроме того, **должно учитываться качество** доказательства, а именно не ставят ли под сомнение **достоверность и правильность** доказательства **те обстоятельства, при которых оно было получено** (...). Действительно, **если оспаривается достоверность доказательства, наличие справедливых процедур проверки допустимости доказательства приобретает еще более важное значение**» (§ 116 **Постановления от 01.04.10 г. по делу «Павленко против РФ»**, § 134 **Постановления от 13.07.10 г. по делу «Лопата против РФ»**, § 83 **Постановления от 06.10.15 г. по делу «Турбылев против РФ»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «если, несмотря на соблюдение буквы национального законодательства, имел место элемент **недобросовестности** или **обмана** со стороны властей, или если национальные власти не пытались применить **соответствующий закон должным образом**» (§ 60 **Постановления ЕСПЧ от 04.06.15 г. по делу «Руслан Яковенко против Украины»**);

когда предоставляется **неполная** и, следовательно, **вводящая в заблуждение информация**, особенно если эта информация затрагивает ее **основное** содержание, и не представлено **удовлетворительного объяснения** нераскрытию этой информации, а **отказ в приведении мотивов ограничения** или **лишения права** «без **конкретного** указания **оснований является актом произвола**» (...)» (§ 72 **Постановления от 17.04.14 г. по делу «Любовь Стеценко против РФ»**, **Добавление I Сообщения КПЧ от 11.07.97 г. по делу «Роберт У. Готье против Канады»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... **отсутствие мотивов** упомянутого **решения и транспарентности процедуры его принятия** крайне ограничивало возможности автора в плане представления дополнительной документации в поддержку его просьбы, так как он **не знал истинных причин отказа** и **общих тенденций** в отношении принятия решений... тот факт, что Комитет по натурализации является частью законодательной власти, **не освобождает государство-участника от принятия мер для информирования** пусть даже **в краткой форме автора о принципиальных причинах** решения ... В отсутствие такого обоснования государство-участник **не доказало**, что его решение ... было основано на **разумных** и **объективных причинах**» (п. 7.5 **Соображений от 01.04.15 г. по делу «К. против Дании»**);

явным произволом и одновременно отказом в Правосудии является, когда правоХоронитель для достижения преступной цели нарушения фундаментальных прав не приводит мотивы, по которым он в нарушение п. 2 «с» ст. 41 Хартии, абзацев 2, 3 п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ», **Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 26.10.16 г. по делу № 6-ПВ16** не приводит мотивы, по которым отвергает те нормы права, на которые ссылается заявитель («Тупой Подонок Никифоров И.А. из Мособлсуда» - <https://youtu.be/9blQpWOOYxY>).

когда власти не объясняют, **«какой процедуре надлежало бы следовать, и какие были бы правовые последствия такой жалобы»**(§ 81 **Постановления от 07.07.15 г. по делу «M.N. и другие против Сан-Марино»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... **требование к заявителю доказать достоверность его утверждений и одновременное лишение его действительной возможности представить доказательства правдивости своего утверждения и, тем самым, установить их достоверность или показать, что их содержание не было совершенно безосновательным, является несоразмерным вмешательством в осуществление права на свободное выражение мнения**» (§ 44 **Постановления от 03.07.07 г. по делу «Флукс» против Молдовы» (№ 2)**»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно с учетом того, что автор и соответствующее государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательственной базе и что зачастую только государство-участник располагает требуемой информацией. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник имеет обязательство по добросовестному **расследованию всех заявлений о нарушении Пакта**, в которых, как утверждается, повинны это государство и его представители, а также по представлению Комитету сведений, которыми это государство-участник располагает. В тех случаях, когда автор предпринял все разумные усилия для сбора свидетельств в поддержку своих заявлений, а дальнейшее разъяснение зависит от информации, которой располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать заявления автора обоснованными в отсутствие удовлетворительной доказательственной базы или несмотря на противоположные замечания, представленные государством-участником» (п. 7.3 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины»);

когда внутригосударственные суды не осуществляют **«содержательный анализ действий органов государственной власти, затрагивающих права, предусмотренные Конвенцией в соответствии с требованием законности»** (§ 50 **Постановления ЕСПЧ от 23.02.16 г. по делу «У.У. против России»**), поскольку «когда проблема затрагивает **публичный порядок** в пределах Совета Европы, то **в каждом случае необходим скрупулезный контроль органов Конвенции за всеми мерами**, могущими нарушить права и свободы, гарантируемые Конвенцией... Тот факт, что заявители "добровольно явились", никоим образом не освобождает Суд от его **обязанности установить, была ли нарушена Конвенция**» (п. 65 **Решения ЕСПЧ от 18.06.71 г. по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии»**);

когда должностное лицо не проводит **конкретный анализ соразмерности** процессуальных действий, ограничивается установлением законности этих действий с **формальной точки зрения, не проведя конкретного анализа, который от него требуется** (Постановление от 02.04.15 г. по делу «Компании «Винчи Конструксьон» и «Жэ-Тэ-Эм Жени Сивиль э Сервис»), поскольку «в сфере **публичного порядка любая** мера или решение, предположительно нарушающие статью 6 **требуют** тщательного рассмотрения» (п. 49 **Решения ЕСПЧ от 27.02.80 г. по делу «Девеер против Бельгии»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «сторона судебного разбирательства **должна иметь возможность** ознакомиться с доказательствами, представленными в суд, равно как и **возможность дать свои комментарии об их наличии, содержании и подлинности** в надлежащей форме и **в разумный срок**, в случае необходимости, **в письменной форме и заранее**» (§ 42 **Постановления ЕСПЧ от 03.03.2000 г. по делу "Крчмар и другие против Чехии"**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «принцип справедливого разбирательства по делу предполагает, помимо прочего, право на состязательное разбирательство, согласно которому стороны **должны иметь возможность** не только ознакомиться с **любыми** доказательствами, **необходимыми для поддержания их** позиций, но также знать **обо всех** приведенных доказательствах и представленных доводах и **представить свое мнение по ним**, поскольку это может повлиять на решение суда (...). Более того, сторона судебного разбирательства **должна иметь возможность** ознакомиться с доказательствами **до** начала рассмотрения дела в суде, а также **возможность выразить свое мнение об их наличии, содержании и подлинности** в надлежащей форме и в **надлежащее время**, при необходимости, **заблаговременно в письменном виде** (...)» (**Решение ЕСПЧ от 14.01.03 г. по делу «Аркадий Иванович Викторов против РФ»**);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... концепция справедливого судебного разбирательства предполагает a priori возможность для сторон, участвующих в разбирательстве, знакомиться с **каждым** представленным документом или замечанием и **иметь возможность его обсуждать** (...)... понятие «справедливое судебное разбирательство» включает в себя право на состязательный процесс, который предполагает **право сторон сообщать элементы, необходимые для успеха их требований**, а также знакомиться с **каждым** документом или замечанием, представленным суду с целью повлиять на его решение **и обсудить его** (...). Этот принцип подходит для замечаний и документов, представленных сторонами, а также независимым должностным лицом, таким, как Правительственный комиссар (...) или судом, вынесшим обжалуемое решение (...) (§ 44 **Постановления от 19.10.06 г. по делу «Кек против Турции»**). Кроме того, суд сам **должен соблюдать принцип состязательности**, в частности, когда он отклоняет кассационную жалобу или разрешает спор только на основании официально принятого довода (...) (§ 45 там же)... **Стороны в споре должны иметь возможность указать, считают ли они, что документ требует комментария с их стороны**. В частности, от этого зависит доверие граждан к отправлению правосудия: кроме прочего, оно основывается на уверенности в том, что можно **выразить свое мнение** по поводу **любого** документа материалов дела (...) (§ 52 там же). Важно подчеркнуть, что пункт 1 статьи 6 Конвенции, прежде всего, направлен на **обеспечение** интересов сторон и **надлежащее** отправление правосудия (...) (§ 53 там же). Следовательно, соблюдение права на справедливое разбирательство, **гарантированное** пунктом 1 статьи 6 Конвенции, **требует**, чтобы заявитель **имел возможность представить свои комментарии относительно информации, предоставленной [органом власти]...**» (§ 54 там же). «... система Конвенции **требует** от Договаривающихся государств принятия **необходимых мер для обеспечения эффективного осуществления прав**, гарантированных статьей 6 Конвенции (...). Это предполагает прежде всего то, что лицо, против которого началось судебное разбирательство, **должно** быть проинформировано об этом факте» (§ 77 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Дилипак и Каракайя против Турции»**). Также следует иметь в виду, что требования эффективности и процессуальной экономии не оправдывают «пренебрежения основополагающим принципом состязательного разбирательства. Фактически, статья 6 § 1 **предназначена** прежде всего **для защиты** интересов **сторон** и **надлежащего** отправления правосудия (...). Даже если ... возможность представления юридических и фактических аргументов может быть ограничена, стороны **должны** сказать, требует ли документ их комментариев. На карту поставлено доверие сторон к правосудию, **основанному**, в частности, **на знании** того, что **у них была возможность** выразить свои мнения **по каждому** документу в деле (...)» (§ 18 **Постановления от 06.02.01 г. по делу «Беер против Австрии»**). При этом власти **должны** основывать «свою позицию на **правильной оценке** обстоятельств, имеющих значения для дела (...)» (§ 39 «с» **Постановления от 06.05.03 г. по делу «Перна против Италии»**). Также, «Право на действие или средство правовой защиты **должно** осуществляться **с момента**, когда соответствующие лица могут **реально понимать** ... **решения, которые налагают на них бремя** или **могут нарушать их законные права или интересы**. Уведомление, как акт сообщения между ... органом и сторонами, служит для информирования о решении, его **основаниях** и **мотивах**, чтобы стороны **имели возможность** для обжалования (...)» (§ 45 **Постановления от 26.01.17 г. по делу «Иванова и Ивашова против РФ»**). «Не может быть и речи о том, что заявитель отказался от своего права ... если она не была проинформирована об этом (...)» (§ 62 **Постановления от 05.10.17 г. «Kalēja против Латвии»**). Также, «... право стороны на доступ к правосудию было бы иллюзорным, если бы она оставалась в неведении относительно хода ... разбирательства и ... решений, вынесенных по их делу, особенно когда такие решения имеют характер, препятствующий дальнейшему рассмотрению дела...» (§§ 49 50, 53 **Постановления от 10.02.05 г. по делу Сухорубченко против РФ»**). При этом «способ, которым решение ... доводится до сведения стороны, **должно позволять проверять доставку решения стороне и дату такой доставки** (...)» (§ 46 **Постановления от 26.01.17 г. по делу «Иванова и Ивашова против РФ»**). Однако **самое главное**, что необходимо иметь в виду, так это то, что само право на эффективные средства правовой защиты **по своей природе** предусматривает, что оно **позволяет**

«предупредить или предотвратить предполагаемое нарушение либо предоставить адекватную компенсацию за любое уже совершенное нарушение» (§ 158 Постановления от 26.10.2000 г. по делу «Кудла против Польши»). То есть, когда нарушается фундаментальное право, то пресекаться это нарушение **должно в момент** нарушения или предположения о его нарушении. В этом случае все действия по делу **должны** быть приостановлены до рассмотрения жалобы на нарушение права и в рамках процедуры обжалования **должен** быть решен вопрос об **адекватной** компенсации (ч.ч. 1, 2 ст. 46, ст. 53 Конституции РФ, п. 3 ч. 1 ст. 27 Закона «О прокуратуре РФ», п. 1 ст. 6, ст. 13 Конвенции, §§ 40 - 43 Постановления от 29.05.97 г. по делу «Георгиадис против Греции»). При этом «... заявителю было отказано в **установлении его процессуальной правоспособности** и, следовательно, он не имел доступа к каким-либо средствам для рассмотрения своих возражений ... В этих обстоятельствах заявитель не имел «**эффективного средства правовой защиты перед национальным органом**» (§ 124 Постановления от 20.12.16 г. по делу «Линдstrand Партнерс Адвокатбюро АБ против Швеции»). Из этого следует, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьей 8» (§ 125 там же).

Более полно эти вопросы рассмотрены в жалобе № 3029-3 (п. 1.7.10.1 ниже).

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... Заявительница ссылалась, в частности, на положения Статьи 46 Конституции... Однако национальные суды не пытались проанализировать жалобу заявителя с этой точки зрения, несмотря на явные указания ей перед каждой судебной инстанцией... **национальные суды, игнорируя этот пункт**, хотя он был конкретным, уместным и важным, **не выполнили их обязательств** по статье 6 § 1 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение данного положения» (§ 25 Постановления от 18.07.2006 г. по делу «Пронина против Украины»); отказ судебной инстанции рассмотреть в своем решении главное основание обращения, которое «сформулировано достаточно четко и точно» и подтверждено соответствующими доказательствами, является нарушением права заявителя на справедливое разбирательство по п. 1 ст. 6 Конвенции, поскольку суд «**обязан** ... рассмотреть **все** документы, представленные в ходе рассмотрения дела, по крайней мере постольку, поскольку **они были "предметом спора"** и даже если они конкретно не повторяются в апелляционной жалобе по вопросам права» (§ 28 Постановления от 09.12.94 г. по делу «Хиро Балани против Испании»). Также «гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство включает право сторон, участвующих в деле, представлять **любые** замечания, которые **они** считают относящимися к их делу. Поскольку целью Конвенции является обеспечение не теоретических или иллюзорных прав, а прав фактических и эффективных (...), это право можно считать эффективным **только** в том случае, **если замечания были действительно "заслушаны", то есть должным образом учтены судом, рассматривающим дело**. Следовательно, действие статьи 6 Конвенции заключается в том, чтобы, среди прочего, **обязать** "суд" провести **надлежащее** рассмотрение замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу, беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу (...)» (§ 80 Постановления от 12.02.04 г. по делу «Перес против Франции»), § 28 Постановления от 15.02.07 г. по делу «Болдя против Румынии»); «пункт 1 статьи 6 подразумевает, в частности, **обязанность** «суда» проводить **эффективное исследование** доводов, аргументов и доказательств сторон, за исключением оценки их относимости к решению, которое нужно вынести» (§ 30 Постановления от 19.04.93 г. по делу «Краска против Швейцарии»); «... пункт 1 статьи 6, помимо прочего, имеет целью **обязательство** „судебной инстанции“ проведения **адекватного** исследования утверждений, доводов и доказательств, представленных сторонами, не нанося ущерба оценке, данной инстанцией, или их важности для выносимого решения, принимая во внимание, что Суд не обязан рассматривать доводы, если они уже были рассмотрены **соответствующим** образом (...)» (§ 48 Постановления от 15.01.13 г. по делу «Митрофан против Молдовы»)... „судебная инстанция имеет право считать, что она не обязана отвечать на доводы, приведенные сторонами, которые явным образом не относятся к делу, являются необоснованными, противозаконными или неприемлемыми по другим причинам, которые **явно нарушают законные положения** или хорошо определенные судебные практики в этой области“ (...)» (§ 50 там же);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... подпункт "b" пункта 3 статьи 6 Конвенции гарантирует "достаточное время и возможности для подготовки своей защиты" и потому предполагает, что материальная деятельность защиты обвиняемого может подразумевать все "необходимое" для подготовки к судебному разбирательству (...)... ознакомление с протоколом судебного заседания и иными судебными материалами может быть необходимой стадией подготовки жалобы, особенно если ... защита ставит под сомнение выводы нижестоящих судов о фактах и оспаривает процессуальные решения, принятые во время судебного разбирательства, и если суд кассационной инстанции не проводит полный пересмотр дела, а основывает свои заключения на письменных материалах, содержащихся в деле (...)» (§ 592 Постановления от 25.07.13 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против РФ») ... защита должна иметь возможность выдвигать доводы по всем относимым пунктам, включая "элементы... которые относятся к процедуре" (...)» (§ 597 там же);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «право на состязательный процесс предполагает... возможность ознакомления с замечаниями и доказательствами, представленными другой стороной, и ответить на них. Национальное законодательство может выполнять это требование по-разному, но предусмотренный им способ **должен** гарантировать, что противная сторона будет знать о представлении замечаний и **будет иметь возможность их комментировать**» (§ 67 Постановления от 28.08.91 г. по делу «Брандштеттер против Австрии»). «... принцип равенства сторон не зависит от дальнейшей, поддающейся количественной оценке несправедливости, вытекающей из процессуального неравенства. Стороны **должны** иметь возможность оценить, заслуживает ли представление реакции, и **недопустимо**, чтобы одна сторона представляла в суд замечания без ведома другой стороны и без возможности последней прокомментировать их» (§ 42 Постановления от 05.10.2000 г. по делу «"АПЕХ Ульдозоттейнек Сзветшеге" (APEH Uldozotteinek Szovetsege) и другие против Венгрии»), поскольку «... "**справедливость**" предполагает **состязательный характер разбирательства**, поэтому **суд не вправе основывать свое решение на доказательствах, которые не были доступны для изучения обеим сторонам**» (§ 23 Постановления от 13.05.08 г. по делу «Галич против РФ»). При этом «...суды не связаны доводами сторон; суды имеют право определять применимое право, толковать доказательства по-новому и так далее. С другой стороны, судьи **должны** быть более предусмотрительны, если имеют дело с **вновь открывшимися обстоятельствами** или **доказательствами по делу, которые не рассматривались судом**» (§ 25 там же). Также «**раскрытие доказательств должно происходить своевременно**, предоставляя доступ к **соответствующим** материалам дела до первого появления заявителя в судебных органах (...)» (§ 175 Постановления от 13.04.17 г. по делу **Подеша (Podeschi) против Сан Марино**) и «... следует рассмотреть вопрос, **имел ли заявитель возможность оспорить подлинность доказательств и возражать против их использования. Качество доказательств также принимается во внимание**, в том числе то, **не вызывают ли обстоятельства получения этих доказательств сомнений в их надежности и точности** (...)» (§ 274 Постановления от 21.04.11 г. по делу «Ничепорук и Йонкало против Украины») ... В контексте рассмотрения справедливости гражданского судопроизводства Суд уже приходил к выводу, что, **проигнорировав конкретные, актуальные и важные аргументы заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по статье 6 § 1 Конвенции** (...). Суд отмечает, что в данном случае это требование также не было соблюдено, хотя **в рамках уголовного дела оно должно соблюдаться еще более строго**» (§ 280 там же);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... возможность участия сторон в судебных разбирательствах вытекает из предмета и цели статьи 6 Конвенции, взятой в целом (...)... принцип равенства сторон **требует**, чтобы каждой стороне была предоставлена разумная возможность представить свое дело в условиях, которые не ставят её в невыгодное положение по отношению к его или ее оппоненту (...). **Общая концепция** справедливого судебного разбирательства, охватывающая также **основополагающий принцип**, заключающийся в том, что разбирательство **должно** быть состязательным, **требует**, чтобы все стороны гражданского судопроизводства **имели возможность** знать и комментировать представленные замечания или доказательства, **направленные на оказание влияния на судебное решение** (...).

Прежде всего, это предполагает, что **лицо, против которого было возбуждено разбирательство, должно быть проинформировано об этом факте** (...). Речь идет о доверии сторон к правосудию, основанному, в частности, на знании того, что у них была возможность выразить свое мнение на **каждый документ в деле** (...)» (§ 32 Постановления от 17.10.17 г. по делу «Ёзгюр Кескин (Özgür Keskin) против Турции»). При этом использование ускоренных процедур, требующих эффективности и экономии, «**не оправдывает** пренебрежение таким **основополагающим** принципом, как право на состязательное разбирательство. На самом деле, статья 6 § 1 предназначена прежде всего для **обеспечения интересов сторон и надлежащего отправления правосудия** (...). Следовательно, **ответственность** национальных властей заключается в **обеспечении** того, чтоб **соблюдались стандарты**, установленные статьей 6 § 1 и, в частности, **защита** равенства сторон (§ 33 там же)... тот факт, что заявитель мог быть осведомлен об учреждении апелляционного производства, сам по себе не является достаточным для того, чтобы сделать вывод о том, что ему была предоставлена **реальная** возможность прокомментировать эти процедуры... (§ 35 там же)... В отсутствие официального сообщения от соответствующего суда, уведомляющего заявителя об апелляции и **способе**, которым он мог бы представить свои ответы, заявитель был вынужден находиться в ситуации процессуальной неопределенности... ничто не мешало национальным судам исполнить соответствующие положения Гражданского процессуального кодекса, предусматривающего передачу документов, представленных одной стороной другой на эти процессуальные действия (...)» (§ 36 там же). Также «... особая быстрота ... при рассмотрении ... дела, не должна мешать **тщательным усилиям судей** по исполнению их **обязанностей с должной тщательностью** (...)» (§ 102 Постановления от 27.08.92 г. по делу «Томази против Франции»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... **требования** пункта 3 статьи 6 Конвенции **должны** рассматриваться как **конкретные** аспекты права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и, следовательно, **жалоба заявителя на нарушение пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции подлежит одновременному рассмотрению** (...)... принцип равенства сторон предполагает, что каждой из сторон **должна** быть предоставлена **разумная возможность** представить свое дело в таких условиях, при которых он не находится в существенно худшем положении по сравнению со своим оппонентом (...)... принцип равенства сторон не зависит от несправедливости, происходящей от процессуального неравенства (...). **Задачей защиты является оценить, заслуживает ли реакции конкретный довод.** Соответственно, не является справедливым представление стороной обвинения суду доводов, о которых не знает сторона защиты (...). Данная позиция остается неизменной, когда замечания, представленные по вопросу, подлежащему разрешению судом, носят нейтральный характер (...)... указанный принцип не утрачивает своей важности, когда соответствующие доводы имеют благоприятный характер для стороны защиты» (§ 44 Постановления от 15.01.09 г. по делу «Шаромов против РФ»);

когда правоХоронители упорно не желают понимать, что «... в тех случаях, когда государство предоставляет права, которые могут быть обеспечены средствами судебной защиты (...), они в принципе могут рассматриваться как гражданские права по смыслу пункта 1 статьи 6 (...)» (§ 55 Постановления от 04.04.17 г. по делу «Ловрич (Lovrić) против Хорватии»), то есть ч. 2 ст. 46, ст. 53 Конституции РФ;

когда не рассматривается вопрос: **были ли Жертвы** с учетом конкретных обстоятельств дела и в особенности **серьезного характера решений**, которые должны быть приняты, **вовлечены в процесс принятия решений в целом в степени, достаточной для обеспечения им требуемой защиты их интересов.** Если нет, то будет иметь место **неуважение** их права, а **вмешательство, вытекающее из решения, не может рассматриваться как "необходимое" по смыслу соответствующей статьи Конвенции.** При этом, **нераскрытие значимых документов Жертвам в ходе разбирательства, возбужденного государственными органами с целью установления ограничения права,** означает, что процесс принятия решений, касающихся условий ограничения права, не обеспечивал требуемую защиту интересов Жертв, гарантированных соответствующей нормой Конвенции (§§ 72, 73 Постановления БП от 10.05.01 г. по делу «Т.Р. и К.М. против Соединенного

Королевства»);

справедливое разбирательство дела нарушается тогда, когда Жертва не имеет не только доступ к материалам следствия, которые существенны для оценки законности лишения её свободы, но и **возможности прокомментировать доводы прокуратуры**, как это предусмотрено п. 1 ст. 6 Конвенции, § 77 Постановления от 25.10.07 г. по делу «Лебедев против РФ», п.п. 12.1.3, 12.3 Резолюции CE N 2077 «Злоупотребление заключением под стражу в государствах, присоединившихся к Конвенции о защите прав человека» от 01.10.15 г., ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 49, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 5 ст. 246 УПК РФ в их нормативном единстве;

когда правоХоронители упорно не понимают, что «С учетом важности разбирательства в Кассационном суде для заявителя **и характера заключения г-на дю Жардена, заместителя генерального прокурора, то обстоятельство, что г-н Вермюлен не имел возможности ответить ему до окончания слушания дела, явилось нарушением его права на состязательный процесс.** Принцип состязательности означает, что стороны в уголовном или гражданском процессе **праве** знакомиться **со всеми** доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, **КОММЕНТИРОВАТЬ ИХ**; это относится и к заключениям, сделанным независимым представителем прокурорской службы, **КОТОРЫЕ ОКАЗЫВАЮТ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЕ СУДА** (...)» (§ 30 Решения ЕСПЧ от 20.02.96 г. по делу «Вермюлен против Бельгии»);

когда правоХоронители упорно не понимают, что Произволом является лишение Жертвы доступа к юридической литературе в условиях лишения свободы (§ 82 Постановления от 20.01.05 г. по делу «Майзит против РФ»);

когда правоХоронители упорно не понимают, что «... нельзя ожидать того, чтобы авторы принимали дополнительные правовые меры для обеспечения соблюдения государством-участником решения его собственного суда» (п. 6.4 **Соображений КПЧ от 29.07.10 г. по делу «Антониос Георгпоулос и другие против Греции»**) при том, что «... пункт 1 статьи 14 Пакта распространяется не только на уголовные дела, но и на определение прав и обязанностей гражданского характера в каком-либо гражданском процессе. Право определять такие права и обязанности в рамках справедливого судебного разбирательства компетентным, независимым и беспристрастным судом предполагает, что **административные власти должны уважать окончательное решение, принятое в ходе судебного разбирательства в отношении них**, и что окончательное решение в рамках такого разбирательства **должно быть принято в кратчайшие сроки** (...)» (п. 8.2 **Соображений от 15.10.14 г. по делу «Юрий Большаков против РФ»**), а также «... **важным аспектом справедливости судопроизводства является его оперативность** и что **задержки в судопроизводстве, которые не могут быть оправданы сложностью дела или поведением сторон, представляют собой отход от принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в п. 1 ст. 14** (...)» (п. 7.3 **Соображений от 16.10.14 г. по делу «Эмилио Энрике Гарсиа Боливар против Боливарианской Республики Венесуэла»**).

когда правоХоронители упорно не понимают, что "**процедура, в ходе которой определяются гражданские права без заслушивания доводов сторон, не может рассматриваться как удовлетворяющая требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции**" (§ 24 **Постановления от 13.05.08 г. по делу «Галич против РФ»**). При этом **«для того, чтобы средство правовой защиты было эффективным и чтобы избежать любого риска произвольного решения, должно иметь место подлинное участие в рассмотрении вопроса судом или "органом власти»**. (§ 93 **Постановления БП ЕСПЧ от 13.12.12 г. по делу «Де Союза Рибейро против Франции»**);

когда правоХоронители упорно не понимают, что «**Довод заявителя, касающийся достоверности показаний данного свидетеля со стороны обвинения, был заявлен в письменном виде и сформулирован достаточно ясно и точно... Московский городской суд,..** **обязан** в соответствии с применимым процессуальным законодательством (...) рассмотреть **все** доводы, содержащиеся в кассационной жалобе, и принять по ним мотивированное решение. Однако, **что касается этого важного вопроса**, определение городского суда лишь содержало **лаконичный абзац, сформулированный в общих выражениях**. Хотя свидетель П. упомянут в нем по фамилии, **доводы заявителя и доказательства, касающиеся достоверности показаний данного свидетеля, не упоминались и не рассматривались подробно** (§

44 **Постановления от 05.05.11 г. по делу «Ильяди против РФ»**)... **довод заявителя** относительно достоверности показаний свидетеля П. был в действительности передан на рассмотрение суда кассационной инстанции и **требовал конкретного и точного ответа** (§ 45 там же). В связи с отсутствием протокола заседания и краткостью кассационного определения невозможно установить, уклонился ли городской суд от рассмотрения части доводов заявителя, содержащихся в его кассационной жалобе, или же он фактически рассмотрел все доводы и доказательства и лишь воздержался от их упоминания и приведения конкретных мотивов, **требующих** отклонить их (...) (§ 46 там же)... **конкретные и относимые доводы и доказательства заявителя, касающиеся достоверности показаний свидетеля со стороны обвинения, не получили достаточно конкретного и ясного ответа в рамках национального разбирательства. Это упущение ограничило право на защиту в степени, несовместимой с гарантией справедливого разбирательства, и, соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции»** (§ 47 там же).

когда правоХоронители упорно не понимают, что «... понятие справедливого судебного разбирательства **требует**, чтобы национальный суд, который лишь кратко мотивировал свое решение, приняв мотивы, изложенные нижестоящими судами, или другим образом, **реально** рассмотрел вопросы **существа** дела, представленного на его рассмотрение, и чтобы он не довольствовался просто-напросто **подтверждением выводов, к которым пришел нижестоящий суд** (...) (§ 30 **Постановления от 15.02.07 г. по делу «Болдя против Румынии»**)... **суд первой инстанции не дал оценки всем элементам, образующим состав преступления**, и что он **не рассмотрел доказательства, представленные заявителем**, что, при необходимости, дало бы ему возможность мотивированно отклонить те из них, которые он счел бы существенными (§ 32 там же). Кроме того, суд, который высказывался в отношении жалобы заявителя, **не рассмотрел мотивы этой жалобы**, основанные, в частности, на **отсутствии мотивации Решения, вынесенного судом первой инстанции**... можно констатировать, что в настоящем деле **окружной суд Тимиша** лишь сослался на мотивы Решения суда **первой инстанции**. Даже если это может являться мотивацией путем принятия обоснования нижестоящего суда по смыслу дела "Хелле против Финляндии" (...), **необходимо, чтобы решение суда первой инстанции было подробно и полно мотивировано, чтобы квалифицировать судебное разбирательство в отношении заявителя как справедливое**... это обстоятельство отсутствовало в настоящем деле (§ 33 там же). Этих элементов достаточно для того, чтобы ... заявитель имел основания утверждать, что решения суда первой инстанции г. Тимишоары и окружного суда Тимиша не были достаточно мотивированы, и его дело,.. не было рассмотрено справедливо (§ 34 там же). Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 35 там же);

когда правоХоронители упорно не понимают, что «... для того, чтобы разбирательство было справедливым, как того требует пункт 1 Статьи 6 Конвенции, "суд" **должен надлежащим образом изучить** замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению... (§ 50 **Постановления от 22.02.07 г. по делу «Красуля против РФ»**) ... заключение эксперта **было важным доказательством**, которое подкрепляло позицию защиты, избранную заявителем, и которое **могло быть решающим** при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. **Довод заявителя** в суде кассационной инстанции о том, что заключение эксперта было незаконно отклонено судом первой инстанции, **был сформулирован им ясно и четко**. Европейский Суд полагает, что **этот довод требовал точного и ясного ответа**. При отсутствии такого ответа невозможно определить: либо суд кассационной инстанции просто не выполнил своей обязанности по рассмотрению довода заявителя, либо он намеревался отклонить его, и если имело место последнее, то какими были его мотивы для принятия подобного решения. **Полное молчание суда кассационной инстанции по вопросу законности отказа в приобщении к доказательствам по делу заключения эксперта является несовместимым с концепцией справедливого судебного разбирательства, заложенной в основу Статьи 6 Конвенции** (...)» (§ 52 там же);

когда правоХоронители упорно не понимают, что «... даже если суды рассматривали часть аргументов заявителя, они **не ответили на его основные аргументы**, а именно, что **он действовал добросовестно в соответствии с принципами административного права и с законом...** (§ 67 Постановления от 24.05.05 г. по делу «Бузеску против Румынии») ... с учетом разбирательства в целом Суд приходит к выводу, что требования справедливости не были выполнены. Соответственно, Суд считает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 74 там же);

когда правоХоронители упорно не понимают, что «... действие Конвенции направлено на то, чтобы гарантировать не теоретические и иллюзорные, а конкретные и эффективные права, и право на справедливое судебное разбирательство можно считать эффективным, **только** если жалобы сторон были действительно "**заслушаны**", то есть **должным образом учтены** судом, рассматривавшим дело... Не требуя давать подробный ответ на каждый довод заявителя, тем не менее, это **обязательство** предполагает, что истец может надеяться на **специальный и ясно выраженный ответ** в терминах, **оказывающих решающее значение на исход разбирательства дела** (...) (§ 43 Постановления от 15.03.07 г. по делу «Георге против Румынии»). Когда заявитель утверждает, чтобы ему **были предоставлены права, предусмотренные Законом** и отказ в удовлетворении обращения явился результатом неверного толкования его предмета (§ 49 там же), при том, что **«этот довод имел решающее влияние,.. со стороны ... суда ... был необходим особый и ясно выраженный ответ**. В отсутствие такого ответа **невозможно** выяснить, оставили ли внутригосударственные суды просто без внимания содержание жалобы ... или отказ в удовлетворении жалобы заявителя явился результатом явной ошибки при определении предмета иска (...)» (§ 50 там же);

когда правоХоронители упорно не понимают, что **поскольку в деле было решающее доказательство для установления фактов, возник вопрос о справедливости судебного разбирательства**. Действительно, применяя вторую санкцию к компании-заявителю, департамент экономических преступлений ссылался на другие документы помимо экспертных заключений. Тем не менее суды страны, рассматривая жалобу компании-заявителя на санкцию, не упоминали эти документы в своих решениях (§ 39 Постановления от 29.10.13 г. по делу «S.C. IMH Сучава S.R.L.» против Румынии»). Компания-заявитель уведомила суды, осуществлявшие второе разбирательство, о наличии ранее вынесенного решения, в котором действительность доказательств оценивалась по-другому. Хотя суд сослался на это решение, он не предоставил достаточных мотивов для принятия противоположной позиции относительно действительности того же доказательства. **С учетом решающей роли доказательства от суда требуется конкретный и четкий ответ на представленный аргумент**. При отсутствии такого ответа невозможно понять, был ли аргумент просто проигнорирован или, если суд хочет отклонить его, то по какой причине? (§ 40 там же). **Отсутствие ответа по решающему аргументу делает судебное разбирательство в целом несправедливым и является нарушением требований ст. 6 Конвенции** (§§ 32, 41 там же);

когда правоХоронители упорно не понимают, что необходимо «убедиться в том, что применяемые меры не ограничивают и не уменьшают возможность доступа к суду конкретного лица, в той мере в которой бы сама сущность этого права была бы нарушена. Более того, ограничение будет несовместимо с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует законную цель и, если не существует **разумной соразмерности** между применяемыми мерами и преследуемой целью (...). **Право на доступ к суду нарушается, когда законные положения больше не служат задачам правовой безопасности и надлежащего управления правосудием и создают барьер, препятствующий рассмотрению дела заявителя по существу компетентным судом** (...)» (§ 39 Постановления от 02.12.14 г. по делу «Урекян и Павличенко против Республики Молдова»).

Мы имеем Произвол, когда внутригосударственные суды не осуществляют **«содержательный анализ действий органов государственной власти, затрагивающих права, предусмотренные Конвенцией в соответствии с требованием законности»** (§ 50 **Постановления ЕСПЧ от 23.02.16 г. по делу «У.У. против РФ»**). Особенно это относится к ситуациям, когда **«фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно так же, как и юридическое (...)**. Более того, **выполнение обязательств по Конвенции требует** временами совершения со стороны государства определенных позитивных действий; **в подобных обстоятельствах государство не может просто оставаться пассивным** и "нет места различию между действием и упущением" (...). **Обязанность обеспечить эффективность права доступа к правосудию подпадает под категорию таких обязательств»** (п. 25 **Постановления от 09.10.79 г. по делу «Эйри против Ирландии»**), поскольку **«формальности, которые фактически препятствуют потенциальному заявителю эффективно пользоваться своими правами, являются неприемлемыми»** (§ 157 **Постановления от 15.10.15 г. по делу «Л.М. и другие против РФ»**).

Нарушением права на справедливое разбирательство дела являются **широкие дискреционные полномочия по снятию вопросов, что обуславливает сомнение в независимости и беспристрастности правоприменителя** (§ 69 **Постановления от 13.03.12 г. по делу «Карпенко против РФ»**).

Произволом и отказом в Правосудии является отказ властей фиксировать с помощью видеозаписи получение вещественного доказательства, использованного в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, и **отказ национальных судов рассмотреть его возражения и обоснованные аргументы относительно достоверности этого доказательства и его использования против него сделали все производство по делу в целом несправедливым** (§ 55-58 **Постановления ЕСПЧ от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана»**).

Произволом и отказом в Правосудии является невозможность наблюдать поведение свидетеля, которого допрашивают без видеозаписи и поэтому невозможности наблюдать его поведение на допросе и, таким образом, **составить представление о достоверности данных показаний** (§ 105 **Постановления от 24.07.08 г. по делу «Владимир Романов против РФ»**). Тем более, Произволом и отказом в Правосудии является непроведение видеозаписи судебно-психиатрической экспертизы и освидетельствования, где решается вопрос о психическом **состоянии** человека и невозможности **наблюдать за поведением человека**, чтоб можно было составить **собственное мнение об этом поведении**, как, например, здесь: <https://youtu.be/wzW2bzzQjys> («Шизофазия»).

Поскольку «вопрос в **каждом** деле заключается в том, имелись ли достаточные уравновешивающие факторы, включая меры, обеспечивающие **справедливую и надлежащую оценку достоверности** этих показаний. Приговор может быть основан на таких показаниях, только если они достаточно **достоверны** с учетом их значимости для дела» (§ 50 **Постановления от 24.04.12 г. по делу «Дамир Сибгатуллин против РФ»**), поэтому отсутствие оценки на предмет достоверности является явным отказом в Правосудии. Это справедливо потому, что «пункт 1 статьи 6 налагает на суды **обязанность** проводить **надлежащее исследование** утверждений, аргументов и доказательств, представленных сторонами, без предубеждений при оценке того, насколько они относимы» (§ 48 **Постановления от 12.06.03 г. по делу «Ван Кюк против Германии»**). Важно, что доказательства, представленные государством **не имеют большого доказательственного значения**, если не указывается какой-либо источников информации, на основании которых приводимые утверждения могли бы быть проверены (Постановления от 12.06.08 г. по делу «Власов против Российской Федерации», § 93; от 25.06.09 г. по делу «Зайцев против Российской Федерации», § 42; от 27.05.10 г. по делу «Артемьев против Российской Федерации», § 125). При этом факт уничтожения документов **не освобождает власти от обязательства** подтвердить свои доводы **соответствующими** доказательствами (Постановления от 10.01.12 г. по делу «Ананьев и другие против РФ», § 125; от 23.03.16 г. по делу «Блохин против РФ», § 143), «непредставление государством-ответчиком такой информации без убедительного объяснения причин может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя» (§ 89 **Постановления от 10.01.12 г. по делу**

«Сахвадзе против РФ»). Однако «"Законность", в любом случае, также подразумевает отсутствие произвола» (§ 59 Постановления от 18.12.86 г. по делу «Бозано против Франции»).

1.3.22.1 Отдельно следует указать, что **когда в судебном решении не отражаются доводы стороны, то это значит, что эта сторона в деле участия не принимала**. Она, возможно, присутствовала, но не принимала участия, поскольку, когда сторона принимает участие в деле, то её доводы **должны** найти отражение в принимаемом решении и эти доводы **должны** быть **рассмотрены и оценены**. Это следует как из того, что «гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство включает право сторон, участвующих в деле, представлять **любые** замечания, которые **они** считают относящимися к их делу. Поскольку целью Конвенции является обеспечение не теоретических или иллюзорных прав, а прав фактических и эффективных (...), это право можно считать эффективным **только** в том случае, **если замечания были действительно "заслушаны", то есть должным образом учтены судом, рассматривающим дело**. Следовательно, действие статьи 6 Конвенции заключается в том, чтобы, среди прочего, **обязать "суд"** провести **надлежащее** рассмотрение замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу, **беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу (...)**» (§ 80 Постановления от 12.02.04 г. по делу «Перес против Франции»), так и из того, что «**Задачей обоснованного решения является продемонстрировать сторонам, что их выслушали**. Более того, мотивированное решение предоставляет сторонам возможность обжаловать его, так же как и возможность кассационному органу пересмотреть решение. **Только через вынесение обоснованного решения может осуществляться общественный контроль за отправлением правосудия**» (§ 30 Постановления от 27.09.01 г. по делу «Хирвисаари против Финляндии»).

Когда Жертв лишают возможности высказать свое мнение по вопросам, которые являются предметом обсуждения, то есть **лишают их права на участие в обсуждении**, то мы имеем стандартную ситуацию, когда «Правило раскрытия оправдывающих доказательств **обязывает** сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время **данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах**» (§ 201 Постановления от 27.03.14 г. по делу «Матьцина против РФ»). «**Статья 8 Конвенции налагает процессуальное обязательство на власти ..., требую, чтобы подлежащее доказыванию утверждение ... было эффективно рассмотрено судами и чтобы их выводы были изложены в аргументированном решении суда (...)**» (§ 115 Постановления от 26.11.13 г. по делу «Х. против Латвии»).

Однако, если Жертву лишают **права на участие** в рассмотрении дела, то есть когда её доводы не отражаются в выносимом решении, эти доводы не рассматриваются и не оцениваются, то такое решение подлежит **безусловной отмене** по основаниям того, что Жертва не участвовала в судебном разбирательстве, то есть по основаниям **нарушения фундаментального права** на разбирательство дела на основе состязательности и равноправия сторон, предусмотренным п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч.ч. 1, 4 ст. 15, п.п. 3, 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, ч. 1 ст. 12, п. п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, ч. 1 ст. 14, п. 2 ч. 1 ст. 310 КАС РФ и т.п. А когда судебное решение подлежит отмене по безусловным основаниям, то «**Поскольку принятые по делу судебные акты подлежат отмене по безусловным основаниям, доводы кассационной жалобы о неправильном применении норм материального права, а также о несоответствии выводов фактическим обстоятельствам дела судом кассационной инстанции не проверяются**» (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.07.17 г. по делу № А56-2178/2016).

1.3.22.2 При этом, «**закон не должен стесняться называть совершенное преступление его настоящим именем...**» (§ 112 Постановления ЕСПЧ от 20.10.15 г. по делу «Василяускас против Литвы») и «... отсутствие судимости необязательно означает, что раскрытые обстоятельства не имели места, **особенно если в отношении них даже не было проведено официальное расследование**». (§ 45 Постановления от 31.05.16 г. по делу «Надтока против РФ»). Кроме того, **с учетом крупных недостатков в расследовании (...) невозможно заключить, что объяснения сотрудников были точны только на основании того**

факта, что расследование не представило доказательств обратного (§ 96 Постановления от 28.09.15 г. по делу «Буид против Бельгии»).

Однако важно иметь ввиду, что **большинству «судей» ЕСПЧ присущ скудный анализ проблем** и «избежание обсуждения возможных стереотипов и их применения» (...). По моему мнению, Европейский Суд не должен воздерживаться от наименования различных форм стереотипов и должен всегда оценивать их некорректность. Невозможно изменить реальность, не называя ее» (п. 3 совпадающего особого мнения судьи Ксении Туркович Постановления БП от 24.01.17 г. по делу «Хамтоху и Аксенчик против РФ»).

К сожалению, поскольку Полуобразованные Подонки из ЕСПЧ не выполняют возложенные на них функции, поэтому «права, гарантированные Конвенцией... лишены какой-либо реальной ценности» (§ 36 Постановления от 25.10.16 г. по делу «Джураев и Шалкова против РФ»).

19.03.18 г.

Усманов Р.Р.